

ЮРИЙ ДРУЖИНИН

РАЗ. ДВА. ПОЛТОРА.

Юрий Дружинин
Раз. Два. Полтора

«Издательские решения»

Дружинин Ю.

Раз. Два. Полтора / Ю. Дружинин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836638-3

Здесь, в этой книге, отражены все реальные эмоции и переживания. Эта книга о том, как я служил в армии! Как из студента я превратился в солдата! Может быть, слишком откровенно, но все, о чем рассказывается в этом произведении, действительно правда! Это произошло со мной в те два года моей жизни, в течение которых я отдавал долг Родине! Это были непростые годы и для меня, и для Родины, мощного государства под названием СССР, которое распалось на множество стран...

ISBN 978-5-44-836638-3

© Дружинин Ю.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Последние деньки свободы	7
Приемная комиссия	8
В дороге	10
На месте	13
В карантине	15
АПиПСА	22
В госпитале	31
И вновь АПиПСА	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Раз. Два. Полтора

Юрий Дружинин

© Юрий Дружинин, 2017

ISBN 978-5-4483-6638-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Так получилось, что предисловие к своему произведению я начал писать в конце. Тогда, когда книга уже была закончена. Я задумался, зачем я пять лет сидел вечерами у компьютера и портил зрение? Что вообще подвинуло на это? Для кого эта книга? Кто ее читатель? Ведь, по сути, в этой книге я писал о себе, о своих переживаниях, эмоциях и жизненных ситуациях, которые произошли именно со мной – обычным человеком. Сомнения терзали мою душу. Но я думаю, что изюминка этой книги в том, что все события, эмоции и переживания в ней реальные! Армия – это школа жизни, и тот, кто прошел ее, мудрее тех, кто умудрился откосить от этой почетной обязанности – Служить Родине! Поэтому книга будет интересна и молодым парням, не служившим еще в армии, но готовящимся исполнить этот долг перед Родиной. Думаю, она будет интересна и тем, кого миновала сия участь. В качестве расширения кругозора! И матерям, переживающим за своих сыновей, которые охраняют мирное небо над нашими головами, эта книга будет тоже интересна. Оказывается, не так страшен черт, как его малюют. Да и девчонкам, которые ждут своих парней, тоже будет небезынтересно сие произведение. Я верю в это. А лично для меня эта книга стала способом избавиться от своих комплексов и душевных проблем. В ней я открываюсь перед читателем полностью. Так что тем, кто не любит излишний натурализм и стриптиз души ближнего своего, я советую не читать эту книгу. Это не для вас (шутка). Ну что ж, с богом! Поехали!

Последние деньки свободы

Как-то быстро пролетел последний год учебы в технаре, и вся наша компания – Серега, Шурик, Васек, два Лехи, Игорь и я – стала задумываться над одним и тем же вопросом: «Служить или не служить?» Дипломы у всех нас были синие, так что рассчитывать на беспроблемное поступление в институт не приходилось. И каждый стал решать эту проблему по-своему. Так как служить никто особенно не рвался, то все начали искать возможность избежать этой почетной обязанности. Почему-то никто не хотел отдавать «долг» Родине. Косинцев Леха лег в больничку, чтобы выиграть время и поступить в институт. Серега тоже укрылся в лоне медицины, благо его мама там имела какие-то связи. Про Игоря точно не знаю, но то, что его сестра с мужем медики, говорит само за себя. Лично у меня проблема была в том, что в дипломе у меня были две тройки, которые не давали мне возможности поступить без экзаменов в институт. А поступать на общих основаниях мне просто не дали бы, так как экзамены были 12-го июня, а повестка была на 4-е и никаких проблем со здоровьем. Так что перспектива отдавать долг Отечеству засверкала для меня всеми радужными огнями. Я смирился и успокоился. Так что из нас семерых служить мы собрались вчетвером. Мы получили свои дипломы и стали как-то особенно бесшабашно проживать последние денечки перед армией. Мы собирались у Эдика, единственного из нас обладателя собственной квартиры, и весело пропивали оставшиеся деньки свободной жизни. Тем более поводов было предостаточно – защита и получение дипломов, да и за будущую службу было поднято немало рюмок, а точнее говоря стаканов. Были мы еще молодые и неопытные по части культурного принятия алкоголя. Кроме этого, сказывалось и отсутствие прекрасной половины на наших пьянках, поэтому все они проходили примерно по одному сценарию, то есть за первые пятнадцать минут съедалась вся закуска, далее все продолжалось уже без нее, а через пару часов все уже лежали, сломленные чрезмерным количеством алкоголя, поступившим в кровь. Так незаметно пролетели последние денечки. Третьего июня я с утра сходил в парикмахерскую и постригся под «спортивную канадку». А ближе к вечеру собрал всех наших на проводины, были все те же, только Шурик привел девчонку Таню. Тогда-то я впервые выпил водки за одним столом со своими родителями. Разошлись около двенадцати. А на следующее утро, в шесть, я уже сидел на кухне и ел свою последнюю на данный период жизни домашнюю яичницу. Мама подобрала мне вещички, которые не жалко оставить при переобмундировании из гражданского в военного. Я собрался и ровно в восемь ноль-ноль прибыл на призывной участок. Родители приехали на машине провожать меня. Нас построили, и какой-то майор вышел перед строем и произнес торжественную речугу. Затем нас посадили в автобус и отправили в Гончарово, еще на призывном пункте я встретил Гену, одноклассника, и обрадовался ему как родному, все же легче нести службу с товарищем. В автобус к нам проник Стефан, тоже наш одноклассник, по дороге мы молча выкурили по сигарете, а в заднем стекле автобуса все маячила наша «шестерка».

Приемная комиссия

В Гончарово нас привезли около одиннадцати часов утра. Как-то незаметно разошелся дождь, навевая тоску и чувство тревожного ожидания неизвестности. Нас, призывников, набралось несколько сотен человек, все иркутяне и жители Иркутской области. Все беспорядочно шарахались по территории части. Никто почему-то не пытался внести в эту суматоху какую-то упорядоченность. Ко мне каким-то образом пробрались родители, все пытаюсь дать последние наставления и просто поговорить и посмотреть на меня. А потом мы просто стояли и молчали. Как говорится, «долгие проводы – лишние слезы». И я решил отправить родителей домой. Устали мы уже от этого затянувшегося прощания. Мы последний раз обнялись, и я пошел проводить родителей до ворот. И именно в этот момент на улице возникла какая-то суматоха, и когда все расступились, то на асфальте остался лежать молодой парнишка, а на его рубашке стало быстро растекаться алое пятно. Не знаю, кто и за что убил этого парня, но я почему-то сильно испугался, причем не за себя, а за маму. Но она молодец, не подала виду, не было ни слез, ни причитаний. И вот после этого случая наши доблестные военные решили наконец-то навести порядок. Подали команду строиться, а посторонним – покинуть территорию части. Родителей попросили уйти, и все, что связывало меня с гражданкой, ушло вместе с ними. Нас построили перед строем, вышел подполковник и произнес примерно следующее: «Товарищи призывники. Прошу вас соблюдать дисциплину и порядок, на территории войсковой части произошло преступление, погиб призывник. На данный момент работают следственные органы, возбуждено уголовное дело. Призываю соблюдать спокойствие. А сейчас вас разобьют на группы. Вы пройдете медицинскую комиссию, затем получите сухие пайки и будете отправлены к месту прохождения службы».

После этого действительно появилась какая-то организованность. Нас разбили на группы, причем я попал в одну группу с Геной, и это как-то грело душу. Затем нас отправили проходить медкомиссию. Мы ходили по кабинетам в одних трусах. Это была очередная медкомиссия, каких я, для того чтобы оказаться здесь, прошел уже немало. Психиатр, высокий и худощавый, с вздыбленной гривой седых волос и пронзительным взглядом, показывал цветные кляксы и спрашивал, какие ассоциации они у меня вызывают, падал ли я в обморок и не было ли травм головы. А сам уже писал: «Годен», не особо слушая мои ответы. Затем окулист: ну уж со зрением у меня всегда все было в порядке, очередное «Годен». За тем лор: «Откройте рот, скажите а-а-а, отойдите к двери», и шепотом: «Скажите тридцать три, шестьдесят четыре, восемьдесят семь». «Годен. Следующий».

Невропатолог постучал по коленкам и локтям своим молоточком и попросил дотронуться пальцем до носа с закрытыми глазами, затем меня раскрутили на центрифуге и попросили пройти по прямой. И вновь «Годен». Затем хирург, пара стандартных вопросов: «Травмы были? Жалобы есть?» Затем приказным тоном: «Подойдите ближе, приспустите трусы, оголите головку». – «Годен». Потом нас осматривал, видимо, целый консилиум проктологов, мы вошли в кабинет строем человек десять. За длинным столом сидело минимум десять человек обоего пола в белых халатах, причем некоторые из врачей были старше нас едва ли больше чем на пару лет. Вновь последовали приказы: «Поднять руки, опустить. Поднять правую ногу, опустить. Поднять левую ногу, опустить. Кругом, спустить трусы, наклониться, раздвинуть ягодицы. Годны». В заключение был терапевт. Приятная молодая женщина полистала мою карточку, удовлетворенно кивая на каждое «Годен». Спросила, есть ли жалобы на здоровье, и задала вопрос, ответ на который, видимо, и сыграл немаловажную роль при определении моего места службы:

- Жару и духоту плохо переносишь?
- Да, плохо!

Затем она поставила свое заключительное «Годен», и на этом медкомиссия завершилась. У меня осталось от нее какое-то чувство отстраненности от происходящего. Как будто все происходит не со мной, а с другим человеком, который уже не свободен и не принадлежит самому себе. Поэтому я без стыда и смущения оголял головку и раздвигал ягодицы перед молодыми и симпатичными девушками. Я предчувствовал, что это одно из самых простых испытаний, которые мне предстоят в дальнейшем... Ближе к вечеру нас собрали в большом кинозале, и мы с некоторым трепетом в душе стали ожидать своей дальнейшей участи. Должны были приехать так называемые «покупатели». Через некоторое время на сцену вышел майор и объявил: «Первая бригада – Свердловск, вторая бригада – Казахстан, третья бригада – Хабаровск, четвертая бригада – Чита». Наша бригада вторая – значит, Казахстан. Зал оживился и загудел, как встревоженный улей. Все стали обсуждать предстоящие перспективы службы. Ну а у меня в голове вертелась одна простая мысль: «Зачем она спрашивала, плохо ли я переношу жару и духоту? А служить в Казахстане, видимо, чтобы жизнь малиной не казалась?» А тем временем со сцены уже выкрикивали фамилии, народ подходил и получал сухие пайки. В зависимости от времени следования к месту службы давали две, три либо четыре бумажные коробки, напоминающие коробки от торта, по коробке на каждые сутки дороги. Наконец-то выкрикнули и мою фамилию, и я получил свои четыре коробки. «Ну вот и все, боец, теперь ты в полной экипировке».

Ближе к вечеру нас посадили в автобусы и повезли в Иркутск. Наш поезд в одиннадцать вечера. На вокзале мы, как мне показалось, бесконечно долго ждали отправки. Гена позвонил домой, и к нему приехала подруга. И они тихонечко шушукались и обнимались в сторонке. Мне в этом плане было похуже, телефона у родителей не было, и подругой я тоже не обзавелся. Поэтому для меня это ожидание тянулось как-то особенно долго. Есть одна поговорка: «раньше сядешь – раньше выйдешь». Возможно, мне просто хотелось раньше сесть. Но ничто не может длиться вечно. И наконец-то раздалась команда: «По вагонам!»

В дороге

Всю нашу бригаду, а это девяносто шесть человек, разместили в восьми купе одного плацкартного вагона. Наши сопровождающие, майор и лейтенант, разбили нас, соответственно, на восемь отделений и назначили в каждом отделении командира. В нашем седьмом купе командиром отделения назначили меня. В моем подчинении оказалось одиннадцать человек, а со мной, соответственно, двенадцать. Причем это при наличии шести нормальных спальных мест и двух багажных полок, на боковой третьей полке спать было просто нереально. Ну и естественно, хотя какая тут к черту естественность, никакого постельного белья или хотя бы просто матрасов. Такая же обстановка была и в других купе. В мои обязанности как командира входило:

1. Следить за наличием личного состава. И докладывать, если вдруг кого-нибудь не дай бог не досчитаюсь.

2. Назначать дневальных на ночь, что было особенно актуально и диктовалось отсутствием спальных мест.

Время было уже позднее, и мы после недолгих перекуров в тамбуре и хождений в туалет стали отбывать ко сну. Тем более день был долгий и утомительный. Мы с Геной пошли в соседнее купе, там оказалось много знакомых с техникума. Были два брата-близнеца Щербаковы, Максим Грушков, Андрюха с параллельной группы со звучной кликухой «Директор», с остальными мы тоже быстро перезнакомились. И никто из них, в отличие от нашего купе, не собирался спать. Из рюкзаков уже была выставлена на стол собранная заботливыми руками мам закуска и заблаговременно купленная на вокзале водка. И мы, стараясь не шуметь, передавая стакан по кругу и ведя неспешные беседы, просидели до пяти утра. Тема у нас для бесед была одна, да и тосты не отличались особой оригинальностью: «Ну, чтоб два года как два дня!» И все примерно в том же духе. Но алкоголь делал свое дело. Постепенно улетучилось мрачное настроение, и когда к утру все стали расходиться по своим купе, то все были бодры и смотрели в будущее орлами. Мы пришли с Геной в свое купе, я, как командир отделения, назначил двоих новых дневальных, и мы тут же упали на их места и заснули крепким пьяным сном. Проснулись мы ближе к полудню. За окнами проносились пейзажи родной природы. Колеса отстукивали свою бесконечную дорожную песню. Наши соседи по купе, а точнее бойцы нашего седьмого отделения, уже сидели за столом и доставали и разворачивали жареных куриц, завернутых в фольгу, вареные яйца, домашние пирожки, пучки перистого зеленого лука и крупной ярко-красной редиски.

– Эй бойцы, а почему командира к столу не приглашаете? И вообще, почему без команды приступили к приему пищи, а-а-а?

На что бойцы уже с набитыми ртами забубнили, что, мол, милости просим к нашему шалашу и вообще, мол, кто много спит, тот мало ест. Ну, мы с Геной не стали заставлять себя долго упрашивать. И присоединились к своим товарищам. После обеда мы с Геной сходили в видеосалон, расположенный где-то в середине поезда. Пошарахались по поезду, затем вновь поели, повалились на полках и поиграли в карты. В общем, делали все то же, что делают обычные пассажиры. Ближе к вечеру все вновь стали затариваться водкой. Благо у проводника-узбека ее было хоть залейся, он продавал ее по двойной цене, но отбоя от покупателей не было. Все понимали, что ближайšie два года такая возможность едва ли представится. Тем более что наши сопровождающие нисколько нам в этом не препятствовали. Они собрали нас на третий день пути, после того как кто-то по пьяной лавочке разбил в тамбуре стекло. С утра по купе пробежался летеха¹ и приказал собраться командирам отделений в час дня в первом

¹ Летеха – лейтенант.

купе. Там мы получили строгую накачку от майора. Он в приказном порядке потребовал прекратить пьянки и гулянки. А командирам отделений, чьи бойцы особенно отличились в этом отношении, вlepил по наряду вне очереди. Благо у меня отделение попало непьющее, кроме меня и Гены. Но все это было, как говорится, уже без надобности, так как деньги у всех покончились и покупать водку стало не на что. Так что третий день прошел тихо и спокойно. Домашние курицы, яйца, пирожки и колбасы давно закончились. И мы распечатали сухие пайки. Внутри оказалось несколько банок тушенки и каш с мясом, была даже сгущенка и также пара деревянных армейских сухарей. Тушенка и сгущенка пошли на ура. А вот каша и сухари получили дружное «Кюю»². Консервов было много. И мы выбегали на станциях и пытались менять их на фрукты. Тем более что за окнами уже давно перестали проноситься родные леса. А тянулись бесконечные степи, а вместо деревьев – бесконечная вереница столбов. Но торговцев почему-то мало интересовали наши консервы, и они не шли на бартер. К вечеру мы прибыли на станцию Чу. Как потом выяснилось, это родина самой забористой анаши. Здесь у нас была пересадка. Мы собрали свои нехитрые пожитки и вышли из ставшего за эти дни родным поезда. Нас построили на перроне, еще раз провели перекличку. Затем последовала команда: «В колонну по четыре становись. Направо. Шагом марш». И мы нестройными рядами пошли к другому поезду, который уже ждал нас на другом конце перрона. По дороге нам попался молодой, хипповатого вида парень, который, видимо, уже отдал свой долг Родине. Он был одет в джинсы и футболку с надписью IRON MAIDEN. Он сказал одну фразу, которая почему-то сразу запала в душу: «Духи, вешайтесь!!!» После мы не раз слышали эту фразу, и она была не пустым содроганием воздуха, а как бы приглашением к действию. Нас разместили в поезде, который уже стоял на перроне. На этот раз в наше распоряжение выделили целый вагон. Так что спальных мест хватило всем, о матрасах и постельном белье речь, конечно же, не шла.

Время было уже позднее, к тому же смена часовых поясов, мы наскоро перекусили остатками былой роскоши, причем в вагоне не было воды, а наружу нас не выпускали. И попадали спать. Проснулся я, когда солнце уже встало высоко над горизонтом. Мерно постукивали колеса. А за окнами открылся фантастический пейзаж. Раньше такое я видел только в фильме «Белое солнце пустыни». И хотя сравнение, может быть, и не очень удачное, но ни с чем другим я просто не нашел сравнения. Выжженная солнцем пустыня, только вместо песка раскаленные на солнце камни и потрескавшаяся земля без единой травинки, белая от выступившей на ней соли. Мы просто прилипли к окнам. А у меня в голове крутилась простая, но четкая мысль: «Господи, куда я попал?» Еще через некоторое время за окнами мы увидели скопление танков. Было такое впечатление, что они просто плавятся на солнце. Вокруг них суетилось несколько танкистов в черных комбинезонах и шлемофонах. Казалось, это все как-то нереально. Как будто смотришь кадры из фильма. Но в душе все же было понятно, что это реальность и очень скоро придется окунуться в нее с головой. Ближе к полудню наше путешествие закончилось. Мы выгрузились из вагона на небольшой станции. Мы оставляли в вагоне все не съеденные консервы. Причем их было так много, что проводнице, которая их собрала, должно их было хватить с лихвой на несколько лет. Мы толпились на небольшом перроне. Кругом была голая степь без единого деревца и с пожелтевшей травой. А сверху голубое небо с раскаленным диском солнца, прямо над нашими лишенными причесок головами. После недолгого ожидания за нами пришел КамАЗ, оборудованный для перевозки пассажиров. Причем рассчитанный на перевозку тридцати-сорока человек. Наши сопровождающие после недолгих сомнений, как нас отправить, в два рейса или в один, отдали команду загружаться в КамАЗ. И вся наша команда, девяносто шесть человек, начала загружаться в кузов, обтянутый брезентовым тентом. Каким-то чудом получилось так, что я залез в кузов одним из последних. И сразу оценил свои преимущества перед теми, кто залез раньше: у них на коленях сидело

² Кюю – выражение крайне отрицательного отношения к чему-либо (фильм «Кин-дза-дза»).

по три, а то и по четыре человека, не говоря про духоту и тесноту. Я сидел возле самого заднего борта и имел возможность спокойно дышать и созерцать окружающий пейзаж, представляющий из себя узкую полосу асфальта, петляющую среди бескрайних степей. По дороге нас обогнало несколько грузовых машин с солдатами в кабинах и кузовах. Они были одеты в песочного цвета форму, а на головах у них вместо пилоток были панамы с широкими полями. Все они кричали уже знакомую, но от этого не менее страшную фразу: «Духи, вешайтесь!!!»

На месте

Не знаю, как другие, но у меня возникло ощущение, что все только и ждут, когда же мы начнем вешаться. А для начала всех нас сразу же по прибытии на место хорошенько отделают, чтобы, так сказать, заложить предпосылки для будущего вешания. Но все оказалось не так уж страшно. Наша недолгая поездка закончилась, и народ с наслаждением выскакивал из КамАЗа и разминал отсиженные товарищами конечности. Оказались мы, как позже выяснилось, на восьмой площадке десятого ядерного полигона. Перед нами была небольшая воинская часть, затерянная где-то в степи. Плац, столовая, несколько казарм и еще какие-то здания – вот и все, что она из себя представляла. Нас разместили в одной из пустующих казарм. Видимо, специально подальше от бывалых уже служивых. Там нас разместили на втором этаже. Первым делом мы сдали все свои гражданские вещи и остатки взятых с собой консервов. Себе разрешили оставить только предметы гигиены и письменные принадлежности. И получили наконец-то военную форму, которая состояла из синих трусов, голубых маек, галифе, кителей, панам и кирзовых сапог. Поясных ремней нам почему-то пока не дали, но зато выдали брючные ремни из брезентовой ленты, не забыв при этом вернуть свою мрачную шутку: вот на них, мол, ребята и будете вешаться. После получения формы нам предложили отправить гражданку домой. Не знаю, как другие, но я отказался. Затем нас сводили в местную баню, и мы, быстро помывшись под холодным душем, облачились в военную форму и стали похожи на солдат. Затем была еще одна мини-медкомиссия. Нас взвесили и измерили рост, причем проходили мы все эти процедуры почему-то не снимая сапог. Возможно, для поднятия показателей, ведь сапоги прибавляли чуть не два килограмма веса и сантиметра три роста. Хотя скорее всего причиной было наше всеобщее раздолбайство. Просто лень было солдатам из медроты ждать, когда мы все разуемя, а затем обуемя, вот они и ускорили процедуру. Затем нас определили в одно из пустующих помещений роты. Там стояли двухъярусные кровати, и что хорошо, на них лежали матрасы. Никакого постельного нам конечно не дали, но радовало хотя бы наличие матрасов и возможности отдохнуть после долгой дороги. Мы с Геной заняли пару соседних коек и, немного поговорив и помечтав о том, как будем пить водку на гражданке, попытались заснуть под несмолкающий гул голосов. Это плохо получалось, и сон наш был беспокоен и тревожен. Через пару часов вошел какой-то солдатик, то ли узбек, то ли казах, и позвал нас на ужин. Мы обрадовались, так как порядком проголодались. В одном из помещений роты уже был накрыт стол. Ужин состоял из так называемого борща. В тарелках была налита жижа с плавающими в ней несколькими ломтиками картофеля и несколькими пластинками капусты. Также рядом лежал кусочек черного, плохо пропеченного хлеба. Какое-либо питье, как компот или чай, отсутствовало вообще. Нас, еще не отвыкших от домашней пищи, такой ужин глубоко возмутил, особенно отсутствие третьего, ведь жара стояла страшная, а пить воду из-под крана нам не рекомендовали, так как некипяченую воду здесь вообще не пьют – это прямой способ подхватить дизентерию. Мы решили взбунтоваться и, демонстративно поковыряв в тарелках, встали и вышли из-за столов. Солдатику неизвестной национальности мы предъявили требование встретиться с каким-нибудь офицером, а до той поры мы, дескать, вообще отказываемся от пищи. Через некоторое время к нам в помещение вошел майор, командовал построиться, а затем объявил: «Товарищи призывники, вы прибыли не на курорт, а для прохождения службы в рядах Вооруженных сил Советской Армии. Пока вы не приняли присягу, никаких дисциплинарных взысканий на вас накладываться не будет. Ну а насчет кормежки, так у вас всегда есть выбор – можно есть, можно не есть. И если вы не голодны, так надо было сразу об этом сказать, вам просто не накрывали бы». После столь ободряющих речей дух бунтарства в нас поутих, все поняли – система здесь прочная, ее вот так с бухты-баракты лбом не прошибешь. И мы, голодные, с изрядно поубавившимся пылом искать правду, разошлись

по своим койкам. Через некоторое время к нам зашел все тот же солдатик непонятной национальности и попытался озадачить нас таскать какие-то кирпичи, но его, грубо говоря, послали на три в то время еще советских буквы, после чего он сильно обиделся и пообещал, что он вечером обкурится анаши и придет нас убивать. В общем-то, мы не очень испугались его угроз. Все-таки нас много, и не внушал этот зачуханный вояка страха. Но он мог привести с собой народ, а это было уже чревато серьезными последствиями. Поэтому мы на всякий случай повынимали несколько прутьев из кроватных спинок и договорились не спать ночью и стоять, если что, друг за друга. Но в эту ночь, слава богу, обошлось без эксцессов. Все-таки вместе мы представляли собой силу, да и возможно, в связи с прибытием молодого пополнения были усилены мероприятия по соблюдению дисциплины. В таком подвешенном состоянии мы прожили четыре дня. Нас никуда не дергали, и ходили мы все так же без поясных ремней. Пару раз мне на пару с Геной пришлось сходить в столовую за очередной порцией баланды – так мы окрестили пищу, которую нам здесь давали. По дороге в столовую и обратно мы, пока со стороны, наблюдали за армейскими буднями, которые нас еще не коснулись в полной мере. На плацу сержант муштровал молодое пополнение строевой подготовкой, только и слышно было: «Становись! Разойдись! Становись! Разойдись!», причем все команды должны выполняться бегом – это я узнал позже, а сержанта, видимо, не устраивала скорость выполнения команд. И взмокшие бойцы бесконечно становились, расходились и маршировали до опупения. Для нас все это казалось диким дурдомом, но мы чувствовали, что скоро, очень скоро мы в полной мере будем принимать участие в этом представлении. На второй или на третий день к нам зашел один солдатик, отслуживший уже полгода, просто ему, видимо, захотелось посмотреть на молодых и немного пообщаться. Мимоходом он дал совет, за который впоследствии я был ему очень благодарен. Он сказал одну простую вещь: «Ребята, если кто из вас умеет что-нибудь или имеет какую-нибудь специальность, например сварщик, художник, повар, музыкант и т. д., лучше сразу говорите об этом, иначе будете работать преимущественно руками, лопатами и ломом». В душе я позавидовал тем, кто имел какую-то из этих специальностей – очень уж не хотелось работать ломом все два года. А я как назло не сварщик, не повар, не художник, не музыкант. Но здесь уж, как говорят, ничего не попишешь. Так прошли четыре дня, показавшиеся всем нам очень долгими. Многие пили воду из крана, так как пить хотелось невозможно, а с питьевой водой были какие-то непонятные проблемы. И у некоторых началась обещанная дизентерия. Слава богу, у меня хватило воли не пить воду из крана. И я избежал данной участи.

В карантине

На четвертый день нам наконец-то выдали поясные ремни с блестящими бляхами со звездой. И перевели в общую казарму на первый этаж. На втором, третьем и четвертом этажах располагались роты, в которых служили уже нюхавшие, так сказать, порох бойцы. Ну а нам предстояло провести на первом этаже месяц, затем мы должны были принять присягу, а затем нас должны были распределить по ротам. Этот период до принятия присяги и называется карантинном. Нам выдали постельное белье и чистые белые подворотнички. После того как мы привели свою форму в надлежащий вид, наш сержант стал вызывать всех вновь прибывших в свою каютерку, где он заполнял о каждом бойце небольшую анкету. В общем, ничего особенного. Обычные вопросы. Имя, фамилия, год рождения, образование и т. д. В конце анкеты был вопрос о хобби. Я написал, что 3 года занимался карате. И, немного преувеличив свои заслуги, написал, что имею второй желтый пояс. На самом деле у меня был просто желтый. Забегая вперед, скажу, что эта не особо значительная деталь довольно-таки здорово облегчила мою жизнь в карантине. Откуда-то все узнали о моем увлечении карате и старались не трогать меня. Я уж не говорю об однопризывниках. Даже сержанты старались не особо третировать меня. И хотя я был далеко не Жан-Клод Ван Дамм, я чувствовал, что меня если не побаиваются, то уважают. Гена же при заполнении анкеты написал, что имеет три прыжка с парашютом. И это тоже сыграло свою роль. В дальнейшем он попал на 7 площадку. И хотя с парашютом прыгать ему не пришлось, но поближе к самолетам. Получается, что в этой жизни никогда не знаешь, что и когда тебе может пригодиться и какую сослужить службу.

Затем один из бойцов показал нам, как правильно заправлять постель. Как оказалось, это целое искусство. Необходимо, чтобы постель выглядела как «кирпич». Примерно вся процедура заправки кровати разбивалась на следующие этапы: 1. На матрас необходимо было натянуть простынь, причем так, чтобы она была натянута, как кожа на барабане. 2. Затем аналогичным образом натягивалась и вторая простынь. 3. Потом аналогичным образом натягивалось одеяло, причем три полоски в нижней части одеяла должны быть строго параллельны таким же полоскам на других кроватях и сливаться в три общих линии. 4. Затем необходимо было отбить «торчки». Делалось это следующим образом: бралась табуретка, сиденье прислонялось к натянутому, как кожа на барабане, одеялу, а по торцу матрас пробивался тапком до придания ему строго прямого угла. 5. Заключительным этапом являлась установка подушки. Наволочка натягивалась так, чтобы не было ни одной складочки, затем подушка устанавливалась треугольником, как парус на яхте. Причем строго на определенном расстоянии от передней спинки кровати. 6. Затем выравнивались сами кровати, причем с такой точностью, которой могла бы позавидовать какая-нибудь проектная организация, размечающая с нивелирами и прочими прибабасами строительную площадку. Таким образом мы тренировались в застилании постелей пару часов, пока не началось получаться что-то похожее на идеал. Затем мы пришивали подворотнички, что тоже с непривычки заняло много времени и сил. Потом мы гладили форму, так как пришедшие бойцы, которые прибыли сюда недели на две раньше нас, предупредили, что те, у кого форма не будет поглажена, получают по наряду вне очереди. Нас получилась примерно половина на половину во вновь образовавшейся роте: половина нас, иркутян, и остальная часть – хохлы и казахи. Часов в семь мы сходили на ужин. Причем сержант, здоровый и хорошо откормленный детина, после нескольких неудачных попыток построить нас в обычную колонну по четыре ужасно разозлился и пообещал нас завтра же обучить строевой подготовке, причем за один день. Ужин состоял из комка пшенной каши, небрежно брошенного на тарелку поваром-чуркой, куска плохо пропеченного черного хлеба и половины кружки киселя. Причем нас сразу же предупредили о том, что хлеб с собой брать не стоит, а то, мол, был случай, когда один молодой взял с собой в роту несколько кусков хлеба,

которые затем были найдены у него в тумбочке, так ему пришлось на скорость есть булку хлеба, а рота в это время отжималась от пола. Не знаю, что уж потом с ним было, но думаю, приятного мало. Пока мы нехотя ковыряли вилками в каше, была подана команда: «Закончить прием пищи! Встать! Выйти из за столов!» И тут все поняли: а ужин-то кончился... Мы вышли на улицу с легким чувством голода, прямо как по прочитанной мною впоследствии книге Поля Брэгга. Построились и нестройным пока еще строевым шагом проследовали в казарму. Вообще, одним из критериев хорошего строевого шага является громкость: когда идет рота, земля должна дрожать под ногами! Кроме этого, конечно, необходимо всем идти в ногу и соблюдать четкий интервал между рядами, однако пока со вторым и третьим были проблемы, но вот вбивали подошвы в асфальт мы от всей души. Так, что грохоту мы производили достаточно. Но не было в нем ритма и четкости. Поэтому наш сержант, погоняв нас минут двадцать, сообщил нам радостную новость, что с завтрашнего дня мы начинаем плотно заниматься строевой подготовкой. В казарме нам объяснили, что к вечерней проверке форма у всех должна быть в идеальном состоянии. То есть подшит свежий подворотничок, форма поглажена, сапоги начищены. Те, у кого обнаружат какие-либо недостатки, заработают наряд вне очереди. И мы со всем рвением принялись наводить марафет. Никто не хотел получать наряд вне очереди... Тут же, не отходя от кассы, мы узнали несколько «ноу-хау», например, стрелки на галифе можно наводить с помощью двух монет, и хотя результат был намного хуже, чем при нормальной работе утюга, но все же за отсутствием ононого это было настоящее открытие в области глажки белья. Так незаметно пролетело время, и наступила вечерняя проверка... Для нас это было новое проявление многообразия армейского дурдома. Нет, сама по себе процедура вечерней проверки не является чем-то экстраординарным, вся фишка в том, как она проходит. Мы выстроились в один общий строй: и прибывшие немного раньше нас бойцы, и мы, первый раз присутствующие на данной процедуре. Перед строем вышел наш сержант и начал перекличку. Он произносил фамилии тихим, едва слышным из конца строя, где я стоял, голосом. И перекличка, конечно же, началась с прибывших раньше нас бойцов. Фамилии были сплошь казахские вперемешку с украинскими, и бойцы, после того как фамилия была названа, орали «Я» так громко, как будто сержант находился не в трех метрах, а минимум в километре от нас и к тому же страдал глухотой. Поначалу нам все это казалось каким-то приколом, и когда очередь дошла до нас, мы начали произносить «Я» с обычной интонацией и громкостью. На что сержант посмотрел на нас испепеляющим взглядом и произнес только одну фразу: «Не понял?» Но в эту фразу было вложено столько красноречия, что мы сразу все поняли и начали орать «Я» на порядок громче. Но сержант вновь произнес: «Не понял?» Мы еще подняли уровень наших децибел. Но коронная фраза была произнесена и в третий раз. После чего мне подумалось, что за два года такого оранья я, во-первых, сорву глотку, а во-вторых, оглохну. На этот раз уровень громкости наших истошных криков достиг необходимой величины, и перекличка была доведена до конца. Затем по плану был коллективный просмотр программы «Время»: перед телевизором были рядами установлены табуретки, и мы коллективно посмотрели последние новости. Вот эта часть распорядка дня мне понравилась – хоть что-то положительное, и вообще, должны же мы знать, что творится в стране и в мире. После просмотра программы «Время» нам было дано десять минут на посещение туалета, чистку зубов и т. д. После скоростного посещения туалета, чистки зубов и перекура в туалете нам предстояло отработать один из важнейших армейских навыков. Скоростное раздевание, ну и, соответственно, одевание. Мы вновь выстроились одним большим общим строем, по команде «отбой» мы должны были со всей возможной быстротой раздеться, аккуратно сложить форму на табуретку и лечь в постель. На все мероприятие отводилось ровно сорок пять секунд. Итак, наш ставший уже за это время ненавистным сержант снял с руки свои наручные часы и командовал: «Рота отбой!» Мы со всей возможной быстротой стали лихорадочно раздеваться. С непривычки путались в одежде пальцы, судорожно рвали пуговицы на кителе, ноги заплеле-

тались в галифе, портянки предательски спутывали ноги. Но вот наконец форма кое-как сложена на табурете, сапоги стоят где-то рядом нестройными рядами, а сами мы лежим в кроватях, натянув одеяло до подбородка, и в тревожном ожидании смотрим на вершителя наших судеб – сержанта. Но, как и следовало ожидать, в положенное время мы не уложились чуть ли не вдвое. Форма на табуретках уложена не аккуратно, а сапоги стоят не на положенном от табуретки расстоянии, причем носки развернуты у всех по-разному: у кого к табуретке, у кого от нее. Все это вкупе и каждое само по себе, в отдельности является грубейшим нарушением. И, как и следовало ожидать, раздается четкая команда: «Рота подъем!» Мы, как очумелые, вскакиваем с нагретых уже и ставших бесконечно родными постелей и начинаем одеваться со всей возможной и невозможной быстротой, но одеваться оказывается еще сложнее, чем раздеваться. Пуговицы не застегиваются, портянки не наматываются, китель не расправляется как следует. Но вот наконец-то все позади, и мы суматошно бежим строиться, вид у нашего строя довольно своеобразный, впечатление такое, как будто мы только что вышли из неравного кровопролитного сражения. Либо по крайней мере сделали марш бросок километров на десять. Наш мучитель с ухмылкой смотрит на часы, затем вновь следует команда: «Рота отбой!» И с тайной надеждой, что уж сейчас-то нам наконец-то удастся поспать, мы с новым рвением бросаемся выполнять команду. Все повторяется: и беспорядочная суэта при раздевании и укладывании формы на табуретки, и судорожное ныряние под одеяло, и тревога в ожидании приговора. Но норматив вновь не выполнен, и следует команда: «Рота подъем!» После четвертого или пятого раза мы значительно улучшили свои результаты, все таки стимул большой – спать хотелось невероятно, да и навык приобрели в результате упорных тренировок. Портянки уже не наматывались, а просто клались прямо на голенище сапога, и при команде «Подъем!» сапог сразу одевался на ногу, а портянка сама туда втягивалась. Конечно, это тоже одно из нарушений, и пару раз нас заставляли снимать сапоги. А затем все повторялось вновь. Но все же на десятый или одиннадцатый раз мы уложились в положенные сорок пять секунд. Но это, как говорится, был еще не конец. Мы лежали, натянув одеяла до глаз и надеясь, что уж теперь-то нам удастся поспать. Наш юморист-сержант выдал непонятно то ли вопрос, то ли утверждение: «Не слышу, как спим?!» Наши более опытные собраты мгновенно начали усиленно сопеть и даже похрапывать, мы же сразу не врубались, в чем дело, и лежали с недоумением, вслушиваясь в звуки, издаваемые сослуживцами. Это не понравилось нашему сержанту, он сказал, что спать должны все, и скомандовал: «Рота подъем!» После очередного цикла команд, когда мы вновь оказались в кроватях, нас уже не надо было заставлять изображать из себя спящих. Но на этом наше обучение правильному отходу ко сну не закончилось. Наш бог и судья сержант подал следующую команду, значение которой мы еще пока не знали: «Рота на три скрипа подъем!» Это означало, что после этой команды вся рота, а это около ста человек, должна лежать в своих постелях тихо как мышки. То есть не шевелиться, так как при любом движении кровати начинали скрипеть. Они, видимо, специально были так изготовлены, что малейшее движение – и скрип обеспечен. И хотя все старались изо всех сил, но все же прошло не более трех минут, как три скрипа были зафиксированы неумолимым сержантом, и прозвучала наша любимая команда: «Рота подъем!» Все мы оказались довольно быстро обучаемые и уже с третьего раза научились лежать неподвижно, как покойники в гробах. Кажется, вот теперь-то наступила долгожданная возможность поспать, наш сержант тоже, видимо, умаялся с нами и, пожелав нам спокойной ночи, ушел спать. Но теперь рота зажила своей ночной жизнью. Рядом с моей кроватью расположились казахи, и как только появилась возможность, они тут же начали довольно громко переговариваться на своем языке. Причем делали это с такой частотой и эмоциональностью, как будто они не видели друг друга по крайней мере месяц. И больше всего раздражало то, что непонятен был смысл их речей. Когда они смеялись, то казалось, смеются именно над тобой, когда в их голосах слышались агрессивные ноты, то казалось, эта агрессия выльется на тебя. Затем кого-то подняли с постели и повели на разборку

в туалет. Я подумал, что водить будут всех по очереди. Но никого из наших не поднимали, видимо, паренька увели на разбор еще за прошлые грехи. Через некоторое время он бегом пробежал до своей кровати. Причем видимых следов побоев на нем не было, в армии не принято оставлять синяки, но то, что его били, это, как говорится, к бабке ходить не надо. И все же через некоторое время угомонились беспокойные казахи, все, кому положено, получили свою порцию в фанеру³. И в казарме постепенно стало раздаваться мерное сопение и храп. Я тоже незаметно погрузился в тревожный и неглубокий сон. Проснулся я оттого, что кто-то тряс мою кровать. Я открыл глаза и непонимающе уставился на парня, который это делал. Это был один из хохлов, причем западных, они отличаются от восточных тем, что их речь практически невозможно понять, особенно если они говорят быстро. Так вот, он что-то очень быстро лопотал на своем хоть и славянском, но все же с трудом воспринимаемом языке. Сконцентрировавшись, я уловил, что ему что-то надо и это что-то – какое-то «мело». Мобилизовав все свои умственные способности, я понял, что «мело» – это мыло. Я объяснил, что у меня, мол, нет этого самого «мело». Он отстал от меня и начал трясти кровать моего соседа. В голове пронеслась усталая мысль: «Когда же все это кончится? Будем мы уже сегодня, в конце концов, спать?» Но, слава богу, на сегодня это было действительно все. И я незаметно провалился в глубокий, но тревожный сон. Который почему-то очень быстро прервался уже четко и на всю оставшуюся жизнь отпечатавшейся в мозгу командой «Рота подъем!». Благо вечерние тренировки не прошли даром, и мы выскочили из кроватей, как чертята из табакерок. Сержант удовлетворенно взглянул на нас, довольный, что его вчерашние усилия не прошли даром. Последовала команда принять форму «номер 1», которая состоит из майки, трусов и сапог, и после недолгих сборов мы во главе с нашим сержантом и еще несколькими старослужащими выбежали на утреннюю пробежку.

Бежали мы плотными шеренгами в колонну по четыре, подхлестываемые бодрими криками нашего сержанта: «А ну, салаги, не отстаем!» Именно тогда впервые я ощутил этот неповторимый запах, который источают степные травы по утрам. И хоть сердце все сильнее колотилось в груди, а пот едкими струйками заливал глаза, но я сразу полюбил этот коктейль из аромата полыни, ковыля и степного ветра. Было в нем что-то неведомое и пьянящее кровь. Тем временем наши «деды», не пробежав и половины положенной дистанции, свернули в кусты и уселись на перекур, ну а наша изрядно растянувшаяся рота во главе с сержантом продолжила бег. В принципе пробежали мы около пяти километров в общей сложности, но с учетом довольно быстрого темпа и отсутствия спортивной формы к концу нашего кросса все откровенно сдохли. Тем временем наши «дедушки» вышли с перекура, скомандовали «стоп» и предложили всем поотжиматься, пока не подтянутся отстающие. С учетом, что наша рота растянулась на приличное расстояние, первым, в числе которых был и я, отжиматься пришлось минут пять, которые показались нам вечностью. Причем отжимания в армии имеют свою специфику: по команде сержанта «раз» необходимо было согнуть руки в локтях, по команде «два» выпрямить, но существовала еще третья команда – «полтора», по этой команде необходимо было зависнуть на полусогнутых в локтях руках на неопределенное время, пока наш вершитель судеб сержант не подаст следующую команду. Надо сказать, что зависать в этом статическом положении «полтора» довольно-таки нелегко, а точнее говоря, просто нестерпимо тяжело. Наконец все подтянулись, мы еще отжались совместно и все-таки добежали до ставшей на данное время домом части. Здесь нас ждал турник. Как все же хорошо, что я на гражданке дружил со спортом! Хотя и мне приходилось тяжело, но ребятам, которые не имели спортивной подготовки, было и вовсе хреново. Тем более что, как оказалось, в армии царит коллективизм, то есть если у кого-то что-то не получается, остальные будут делать то же самое до полного одурения. И только когда у всех все начинает получаться, тренировка заканчива-

³ Фанера – грудная клетка.

ется. Надо сказать, что данная методика принесла хорошие плоды, причем довольно быстро. Так как все очень старались, никто не хотел после отбоя идти в туалет для проверки «фанеры» на прочность. После утренней зарядки мы приступили к увлекательному мероприятию «застелание постелей». Вчерашние тренировки не прошли даром, и управились мы с этим ответственным мероприятием буквально в течение часа. Разумеется, не обошлось без ставших уже даже привычными повторений, которые, как известно, являются матерью учения. Но наконец казарма приняла вид, который, по мнению нашего бога и отца сержанта, полностью соответствовал его представлению о воинском порядке. И мы построились и отправились на завтрак. Помня о вчерашнем обещании сержанта научить нас строевой подготовке за один день, мы старались не оплошать, так как никому не улыбалась перспектива маршировать до полного обалдения на голодный желудок... И до столовой мы домаршировали довольно-таки сносно. Затем, после недолгого ожидания своей очереди, мы наконец-то вошли внутрь. Последовал скоростной завтрак, состоящий из комка пшенной каши и двух кусочков хлеба, белого и черного, причем на белом кусочке лежал кругленький кусочек масла. И все это дополнялось стаканом чая бледно-желтого цвета. Все это было съедено в рекордно короткий срок, и к тому времени, когда прозвучала команда «Закончить прием пищи! Выйти из-за столов!», все уже дожевывали хлеб и допивали чай. Были даже такие, кто умудрился съесть и всю кашу, лично у меня хватило запала отковырять несколько ложек. И мы с уже ставшим привычным чувством голода вышли из столовой. Затем наш сержант выполнил свое обещание, и мы в течение двух, а то и трех часов занимались строевой подготовкой. Мы бесконечно отработывали повороты в движении, команду кругом, подход к командиру и затем возврат в строй, и все это на тридцатиградусной жаре. Когда наши гимнастерки промокли от пота и все мы были уже на последнем издыхании, наш любимый сержант, которому тоже надоело париться на жаре, наконец закончил экзекуцию. Надо сказать, что занятия не прошли даром, и к концу занятия мы уже довольно сносно выполняли все команды. У нас уже появилось какое-то подобие армейской четкости и слаженности, хотя до идеала, конечно же, еще было довольно-таки далеко. Наконец мы, вбивая изо всех оставшихся сил подошвы в асфальт, домаршировали до ставшей родной казармы. Затем мы наводили в нашем доме порядок, проводили так называемый ПХД (паркохозяйственный день). Это большая генеральная уборка, которая включает в себя тотальное отмывание всей казармы от несуществующей грязи. Зубная щетка здесь играет основную роль, с ее помощью хорошо отмываются промежутки между кафельной плиткой. Короче, как выяснилось, зубная щетка – это в армии наиважнейший инструмент, чуть ли не важнее автомата. На процедуру уборки у нас ушло часа два. Так незаметно пролетело времечко, и пришло время долгожданного обеда. Мы изо всех сил старались показать, что уроки строевой подготовки, полученные до обеда, не прошли даром. Уж больно кушать хотелось. Никого не прельщала перспектива, вместо того чтобы обедать, отработывать строевой шаг и прочие приемчики. На удивление, подход к столовой у нас получился с первого раза, а может, наш сержант тоже хотел кушать и ему надоело нас муштровать. В столовой нас ожидал фирменный обед, состоящий из пресного борща и неизменной каши, на этот раз перловой, причем у поваров, видимо, существовал какой-то особый рецепт приготовления каш, все они варились комками, ну и на третье был кисель – бесцветная мутноватая жидкость немного сладковатая на вкус, по внешнему виду напоминающая обойный клей. После обеда нас разбили на группы и привлекли, так сказать, к общественно-полезному труду. Кому-то досталось убирать территорию, кому-то вывозить мусор, мы с Геней попали на разбор каких-то полуразрушенных строений. Нашу команду привезли к какому-то зданию, стоящему посреди чистого поля, выдали в руки по лому и приказали отдалбливать от стены кирпичи и складывать их аккуратно в кучу. Занятие это было не из легких, хотя стена уже давно пришла в негодность, но кладка была еще советских времен, когда на военные объекты не жалели ни средств, ни стройматериалов. Так что на отдалбливание одного кирпича уходило огромное число калорий, которыми и так не был

богат наш солдатский рацион. Примерно через час мы вымотались настолько, что еле шевелили руками и ногами, а уж для поднятия лома нужно было приложить поистине героические усилия. Но никого не волновало наше самочувствие, и после небольшого перекура, который объявил поставленный над нами сержант, вновь принялись за тяжелый и неблагодарный труд на благо отечества. Причем в голове возникали мысли о том, что в таком режиме мы через пару месяцев либо станем Гераклами, либо дойдем до ручки. Но всему когда-нибудь приходит конец, пришел конец и этой работе. Ближе к вечеру за нами приехала машина, и мы, усталые, но довольные в предвкушении ужина, загрузились в машину. Мы ехали по извилистой степной дорожке, вдыхая горьковатый аромат полыни и ковыля. Этот аромат дурманил голову, и в этом дурмане даже забывалось про суровую действительность, в которой волей судьбы мы оказались. Но дорога была недолгой, и через полчаса мы были уже в части. Через некоторое время туда подвезли и остальные бригады. Мы наскоро помылись и промаршировали на ужин. Там нас покормили по-военному, то есть так, чтобы мы не дай бог не растолстели и всегда были стройными и подтянутыми. После ужина у нас было немного личного времени. Мы использовали его, как обычно, для того чтобы привести в порядок форму и сапоги. Сапоги всегда должны быть начищенные, а форма чистая и отглаженная. Так прошел еще один из 730 дней. После перекуров и вечерней проверки наступил долгожданный отбой. В принципе все эти дни были похожи друг на друга, как братья-близнецы. Мы постепенно узнавали все премудрости военной службы, которая в основном заключалась в тяжелой физической работе. Ежедневно нас возили и водили работать. Мы таскали какие-то трубы, которые весили столько, что когда мы их поднимали, казалось, порвутся жилы, но, как известно, два солдата из стройбата заменяют экскаватор, и хотя мы были не из стройбата, но технику никто привлекать не собирался. Зачем, если есть халявная рабочая сила? Разбирали взорвавшуюся котельную. Отправляли в наряды в офицерскую столовую, где мы до посинения чистили картошку и драили полы и стены. Один раз нас даже возили в город, где мы наводили чистоту на улицах. Это показалось нам какой-то сказкой – после нескольких недель, проведенных на площадке, вновь окунуться в оазис цивилизации. Городок хоть и небольшой, но все же в нем были асфальтовые улицы, клумбы с цветами, магазины и много зелени. На нас все это произвело неизгладимое впечатление. В особенности молодые девушки, которые дефилировали по улицам в коротких юбочках и обтягивающих футболочках. Мы белили бордюры, подметали улицы и грузили мусор в машины. И цокали проходящим мимо девушкам, но они не обращали на нас внимания, мы были для них всего лишь привычным интерьером. А когда мы, закончив работу, зашли в магазин поживиться кефиром и булочками, меня поразило точно такое же отношение к нам и остального, так сказать гражданского, населения. В очереди все почему-то вставали перед нами, как будто мы были прозрачные или нас вообще не было. Наверное, примерно так же себя чувствовали негры во времена работорговли. Вроде ты и не человек вообще, а так, предмет, который принадлежит кому-то. Так пролетел первый месяц службы. Хотя тогда казалось, что каждый день тянулся бесконечно. Мы перезнакомились друг с другом, оказалось, что контингент подобрался самый разнообразный. Некоторые успели уже и зону потоптать, был даже один парнишка, который успел посидеть в знаменитых питерских «Крестах». Ребята рассказывали о тамошних порядках. Оказалось, что в зоне порядки примерно такие же, как и в армии, но конечно покруче. Тогда у меня возникла мысль, что лучше уж я буду законопослушным гражданином, хотя, как говорят, от сумы и тюрьмы не зарекайся. Но по крайней мере хоть на явные конфронтации с законом лучше не идти. Все-таки и у армии есть свои положительные стороны, она заставляет задуматься о тех ценностях, о которых на гражданке никто даже понятия не имеет. Например, о ценности простой свободы! К концу первого месяца службы я стал задумываться о том, что в принципе мне лично хватило бы и пары месяцев для отдачи долга Родине. А два года – это уже слишком. И хотя данная мысль, я думаю, возникала не только в моей голове, но Родине Матери было на это глубоко по барабану. Подошло время принятия

присяги. До армии я умудрился таки вступить в комсомол, там для вступления пришлось, как обычно, учить много всякой дребедени, типа какие ордена и в каком году получил комсомол, имена героев-комсомольцев и их биографии. Здесь же дело обстояло намного проще. Необходимо было выучить только устав, который включал в себя в основном на 90% обязанности и на 10% права. Перед принятием присяги нас вывели на полигон, где мы каждый выпустили по три патрона по мишеням (в техникуме мы каждый выстрелили по девять патронов), это я к тому, что, видимо, в армии большие проблемы с боеприпасами, за всю дальнейшую службу я больше не стрелял ни разу. Сообщили, что на принятие присяги мы можем пригласить родных и близких, лично для меня, да и почти для всех, это было просто нереально, уж очень далеко мы оказались от дома. Наконец наступил торжественный день. Рано утром, после обязательных процедур, таких как утренняя пробежка, уборка казармы и наведение марафета на обмундирование, мы отправились на завтрак, который на этот раз был необычно праздничным. Он состоял из довольно-таки прилично сваренной ГРЕЧНЕВОЙ (!!!) каши, и что самое невероятное, в тарелке посреди каши аппетитно розовела горячая, обтянутая тонкой, натянутой и готовой в любой момент порваться от одного только прикосновения зубов шкуркой СОСИСКА!!! В стаканах вместо привычной бледно-желтой жидкости под названием чай розовел сладкий и показавшийся всем нам напитком богов какао! Черт побери, могут ведь, когда хотят! После месяца питания черте чем этот обычный по сути завтрак показался нам пищей богов. Часов в одиннадцать утра мы в отглаженной форме и блестящих на солнце сапогах построились на плацу, солнце светило по-праздничному ярко, а небо было по-особенному голубое. На трибуне уже находились несколько полковников и даже настоящий генерал-майор. Мы по очереди выходили перед строем и зачитывали текст присяги, вложенный в красную папку, а затем подходили к полковому знамени, вставали на одно колено и целовали край полотнища. Вся процедура заняла часа полтора. Текст присяги я не запомнил, но там было что-то про то, что перед лицом своих товарищей я торжественно клянусь, а если я нарушу, то пусть меня покарает суровая рука моих товарищей. После всей процедуры нас опять же поздравили и сказали, что теперь мы настоящие солдаты и спрос с нас будет по полной программе. Затем по плану мероприятий у нас была пара часов свободного времени. Мы использовали его для игры в шахматы и шашки в красном уголке. После этого был опять же праздничный обед. На этот раз суп был довольно-таки густой, и в нем даже плавал небольшой кусочек мяса... На второе был плов, оказывается, наши повара умеют довольно-таки прилично готовить. Плов был просто изумительный. Ну а на третье был замечательный компот из сухофруктов. И что самое удивительное, был даже десерт – две карамельки. Короче, праздник души и тела. После обеда нам вместо работы разрешили поспать. В армии сон стоит на первом месте после еды. Ведь не зря существует поговорка «солдат спит – служба идет». А после сон-часа нас повезли в местный кинозал на просмотр кинофильма. Точно не помню, что за фильм, какая-то старая картина, но все равно после суровых армейских будней это было чертовски приятно, и все смотрели фильм с удовольствием.

АПиПСА

После принятия присяги мы стали полноценными солдатами. И в течение ближайших недель нас должны были распределить по частям. Все мы с тревогой ждали своей участи. Известно откуда стали просачиваться самые разнообразные слухи. Братьев Щербаковых и еще нескольких наших вроде бы брали в комендантскую роту. Видимо, в основном ориентируясь на высокий рост и хорошие физические данные. Гену распределили на 7 площадку. И немаловажную роль в этом, видимо, сыграло то, что в анкете он написал, что имеет три прыжка с парашютом. Я откровенно пожалел, что в свое время так и не прыгнул с парашютом, хотя учился в ДОСАФе вместе с Геной. После, правда, я узнал, что в армии существует негласное правило – друзей и земляков стараются раскидывать по разным частям, чтобы легче было сломить в дальнейшем личность и превратить ее в легко управляемое быдло. Ведь, как известно, один в поле не воин. И на несколько сот человек попадались единицы, которых действительно не удавалось сломить. Не разлучали только братьев. Так что служить вместе с Геной мне не светило. Моя участь пока оставалась для меня покрыта мглой. Во время одного из построений я разговорился с пареньком, который стоял возле меня. Это был довольно крепкого телосложения паренек, но в нем чувствовалась какая-то интеллигентность, возможно, это впечатление создавалось из-за очков. Ведь стереотип, что все очкарики – интеллигенты, прочно укоренился в сознании советского человека. Парнишка представился Виктором. Мы обсудили с ним перспективы дальнейшей службы. Оказалось, что Витек (так я окрестил его для себя) в свое время окончил музыкальную школу и теперь пытается пробиться либо в оркестр (оказывается, на полигоне есть оркестр), либо в ансамбль (на полигоне, оказывается, существует и концертный ансамбль). Я с некоторой завистью подумал, что для меня оба варианта явно отпадают ведь я, к сожалению, кроме любительского брэнчания на гитаре не имею никаких способностей к музыке. А служить в ансамбле было бы явно легче, чем где-нибудь на площадке. Но видимо, в этот раз судьба решила проявить ко мне благосклонность... Однажды в воскресенье, после обеда, наш доблестный сержант предложил сводить всех желающих в баню. При чем баня эта представляла собой просто душ, горячая вода отсутствовала, и конечно, никакого пара. Поэтому желающих набралось не особенно много. Из всей роты человек пятнадцать. В число этих добровольцев помыться под холодной водичкой попали и мы с Витьком. Лично меня перспектива принять холодный душ нисколько не смущала, тем более что на улице стояла жара под тридцать, а желание смыть пыль и грязь было просто огромное. Так вот, по пути в баню к нашему немногочисленному строю подошел капитан с лирами на петлицах. Сержант остановил строй. А капитан спросил, разбирается ли кто-нибудь из нас в электронике и имеет ли навык в пайке. Я, помня о том, что лучше сразу говорить о том, что умеешь делать, сделал шаг вперед и сказал, что я умею паять, собирал бегущие огни и цветомузыку на гражданке. И самое главное, окончил Авиационный техникум по специальности «Наладка и эксплуатация станков с ЧПУ». По-моему, капитана очень заинтересовала моя кандидатура. Хотя он не объяснил, куда и на какую должность ему нужен человек. Мы сходили в баню, приняли холодный душ, причем наш добрый сержант выдал нам небольшой обмылочек на всех. Но мы были рады и этому. После бани, чистые и посвежевшие, пошагали в роту. Разговор с капитаном вселил в меня какую-то надежду на хорошее: «Может, и мне удастся попасть в ансамбль, а это гораздо лучше, чем лопатой работать». После узнал, что капитан этот был действительно из ансамбля, но кроме меня у него было еще несколько кандидатур: какой-то парнишка с 7 площадки, который вроде бы здорово волочет в электронике, и еще кто-то. Так что полной уверенности в том, что мне удастся попасть на службу в непыльное место, у меня не было. В отличие от Витька – оказывается, капитан переговорил и с ним и пообещал его взять. Но в один прекрасный день нас всех построили, и наш ставший почти родным сержант огласил нам, кого

и куда распределили. Сержант зачитывал фамилию, называл часть, куда направляется человек. Я запомнил, кого и куда распределили из тех людей, кто был мне более-менее близок. Братьев Щербаковых и Купникова Сашку распределили в комендантский взвод. Гену Косинцева на седьмую площадку. «Директора», Игоря Шпажинкова и Гену Широких на восьмую площадку. По строю проносился легкий ропот, и сержант не пытался его унять. Где-то ближе к концу списка я услышал и свою фамилию: Дружинин, Колодин – Концертный Ансамбль Советской Армии. Все с легким удивлением и даже какой-то завистью посмотрели на нас так, как будто мы неожиданно выиграла путевку в Сочи вместо службы в армии. Причем даже наш незабвенный сержант удивленно приподнял вверх брови. Не так уж часто удавалось мне произвести подобное впечатление на столь большую аудиторию. Подобный случай произошел со мной однажды в пятом или шестом классе школы. Отвлеку вас этим небольшим отступлением. Так вот, в школе я учился хорошо, и кроме того, все учителя буквально ставили меня в пример по поводу моего примерного поведения. Но как говорят, в тихом омуте черти водятся. И однажды я запятнал свою безупречную репутацию.

Среди моих одноклассников ходили разговоры о том, что некоторые из них в свободное от уроков время ходили на железную дорогу и воровали там из железнодорожных вагонов арбузы, дыни, яблоки и прочие фрукты. По рассказам все это выглядело как захватывающее приключение. С элементами умеренного риска. А ребята, рассказывающие о том, как они вскрывали вагоны и воровали арбузы, а затем убегали от охранников, выглядели эдакими героями. В один прекрасный – в кавычках – день наши заводили Костя Ремин и Леха Копылов вновь собрались нанести очередной визит на железную дорогу. Не знаю, может быть, для самоутверждения, может быть, для того чтобы доказать своим однокашникам, что я тоже не из робкого десятка, я сам напросился идти с ними. Шурик, которого я благовол пойти вместе, благо-разумно отказался под предлогом, что ему срочно нужно идти домой. Поэтому нашу вылазку мы предприняли втроем. Мы быстро добрались до Заводской, благо идти было недалече. И под руководством Копылова Лехи стали бродить между стоящими товарными составами и присматривать, где же тут арбузы, яблоки и прочие фрукты. Мы даже умудрились сорвать пломбу с одного из вагонов. Как вдруг Костя Ремин крикнул: «Атас» – и быстро побежал вдоль вагонов. Тут и мы с Лехой увидели двоих мужиков, бегущих к нам с железными прутами в руках. Костя то подныривал под вагоны, то наоборот перескакивал сверху через сцепки. А мы, как под гипнозом, в точности повторяли все его маневры. В какой-то момент Костя вновь перескочил через сцепку, за ним прыгнул Леха и попал прямо в руки одного из охранников. Я наконец вышел из ступора и бросился в другую сторону. За мной еще некоторое время гнался второй охранник с железным ломом наперевес и кричал: «Стой, стрелять буду!» Но, видимо, не зря я семь лет занимался легкой атлетикой, да и в крови у меня было столько адреналина, что уже через полминуты крики охранника перестали до меня доноситься. На следующий день в школе мы с Костей с некоторым удивлением, а потом с облегчением увидели Леху. Он поклялся, что не выдал нас, и мы облегченно вздохнули. Затем начали оживленно обсуждать вчерашнее наше приключение. Леха говорил, что охранники сдали его в милицию, там, мол, его продержали до вечера, но он героически не выдал нас. Мы же вспоминали, как за нами гнались охранники с железными ломом и кричали: «Стой! Стрелять буду!» Мы действительно на некоторое время стали сиюминутными героями. А затем во время урока по математике в класс заглянула завуч и произнесла короткую, но емкую фразу: «Дружинин! Ремин! В учительскую! Там за вами из милиции пришли!» Фраза грянула как гром среди ясного неба. И вот именно тогда весь класс, включая учительницу, оглянулся в мою сторону и посмотрел на меня с удивлением. И во взглядах читалось: «Недаром говорят, в тихом омуте черти водятся!» Впрочем, все кончилось хорошо. Строгая женщина-милиционер отвела нас в отделение милиции. По дороге она сказала: «Что, бегаешь быстро? Смотри, от меня не убежишь!» Я пролепетал, что, мол, и не собирался. В отделении нас развели по разным кабинетам. И разные следователи допра-

шивали нас, как мы попали на железную дорогу, что мы там делали, как часто мы туда ходили... В общем, не миновать было нам постановки на учет в Детской комнате милиции, если бы отец Кости не был майором милиции. Он потихоньку замаял это дело. И наша анкета осталась не испорчена. Ну а я для себя навсегда зарекаюсь преступать закон. А Леха потом объяснил нам, что менты, мол, обещали посадить его к экамам в камеру на пару часов, а тех, мол, хлебом не корми дай из мальчишка девочку сделать... Вот он и раскололся.

Но продолжу свое повествование. Буквально на следующий день за нами приехал уже знакомый нам с Витьком капитан. И мы, собрав свои нехитрые пожитки, загрузились в автобус. Дорога заняла около получаса. И мы оказались в местном оазисе цивилизации. Это тот самый городок, в который нас возили убирать улицы. Капитан привел нас в местный офицерский клуб, позже мы узнали, что он называется «Спутник», представил нас мешковатому сержанту по имени Володя Спиридонов. Сказал ему, чтоб он ввел нас в курс дела, и улетел по своим делам. Володя повел нас по клубу, показал, что и где находится. Экскурсия не заняла много времени. Первым делом Володя отвел нас на второй этаж и показал нам помещение, в котором располагается ансамбль. Помещение было довольно большое и состояло из нескольких помещений. Из просторного холла, в котором стояло несколько деревянных стульев с откидными сиденьями и стол, который служил заменой тумбочки дневального, можно было пройти в большой танцкласс с балетным станком и зеркалами на одной из стен и огромными окнами на другой. Из танцкласса две двери вели в раздевалки, мужскую и женскую. В раздевалках стояли пара лавочек, шкаф и неизменный атрибут – доска с вешалками на стене. Вернувшись в холл, можно было попасть в музыкальный класс. Володя открыл замок и показал беспорядочно наваленные коробки и ящики, в которых хранилась аппаратура и музыкальные инструменты. Он объяснил мне, что всем этим хозяйством я и буду заведовать. А для начала предложил починить несколько разбитых ящиков. Затем он показал мне маленькую кандейку и сказал, что здесь жил и работал прежний оператор, ну а теперь она будет принадлежать мне. Это мне очень понравилось. Иметь свою, пусть маленькую, но все же свою клетушку – это было просто подарком судьбы. В кандейке был стол, стул, по бокам две больших полки, на которых в художественном беспорядке были навалены какие-то полуразобранные приборы и электронные платы. А у дальней стенки была прикручена на стальных уголках довольно-таки широкая полка, на которой, как я сразу прикинул, можно было спать. Черт возьми, о таком везении я даже и не мечтал! Затем Володя запер «операторскую» и повел показывать нам клуб. Самым большим помещением в клубе, конечно, был кинозал. В другом конце клуба, если подняться на второй этаж, можно было попасть в художку – это небольшое помещение тоже принадлежало ансамблю, в нем и проживал основной состав. А прямо под художкой находился мужской туалет. После этой импровизированной экскурсии мы посидели с Володей на крыльчке и покурили. Вообще-то я не курю, но в армии нам выдавали бесплатно по пять пачек сигарет в месяц. Я решил, что не пропадать же добру, стал получать сигареты и потихоньку начал курить. Потом Володя сказал, что когда подойдет время обеда, он придет за нами. Мы остались наедине с Витьком. Мы еще немного побродили вокруг клуба. Особых достопримечательностей мы не увидели, слева от клуба был небольшой скверик, а сзади и справа клуб окружали бетонные заборы, за которыми по всем признакам располагались воинские части. Затем мы вновь поднялись в ансамбль и расположились в мужской раздевалке, там была узенькая лавочка, на которой мы и расположились без особых удобств. Время тянулось ужасно медленно, мы устали сидеть на этой узенькой лавочке. Наш разговор затухал, разбиваясь о все нарастающее чувство голода. «Когда уже наступит этот чертов обед?» – эта мысль почти полностью заполнила наши головы. В этот момент к нам в раздевалку вошел довольно колоритный тип – мужчина небольшого роста в белой футболке, трико и пляжных шлепанцах. Зеркальные светозащитные очки, легкая, так называемая французская небритость и довольно пышная копна волос – все это как-то не гармонировало с суровой обстановкой армейских будней. К тому же на поводке он при-

вел с собой комок шерсти, которому то и дело повторял: «Чапа, к ноге!» Он подошел к нам. И первым протянув руку, представился Славиком. Мы немного смущенно назвали свои имена. Славик сказал, что он солист ансамбля, в который мы попали. Немного поспрашивал, кто мы и откуда. Затем сообщил, что сейчас все находятся в отпусках, и стало быть, нам повезло, будет время немного адаптироваться и освоиться. После недолгой беседы Славик удалился, то и дело подтягивая за поводок Чапу, норовившую сорваться по своим собачьим делам. Славик немного отвлек нас от гнетущего ожидания обеда. Мы немного поговорили о нем с Витьком. На первый взгляд Славик нам показался немного странноватым, впоследствии наши первые впечатления подтвердились. Но ничто не вечно под луной, кончилось и наше бесконечно долгое ожидание. За нами наконец пришел Володя и скомандовал готовиться к обеду. Мы не заставили себя долго ждать. Тогда-то мы впервые познакомились со всем личным составом ансамбля. У нас оказалось всего четыре «деда»⁴, и это само по себе было здорово. Если бы мы попали служить куда-нибудь в роту, у нас было бы не четыре «деда», а минимум тридцать четыре, а может быть, и сорок четыре. И ни одного «черпака»⁵, и уж тем более «дембеля»⁶. Кроме уже известного нам Володи, баяниста, был Паша-танцор, не помню его фамилии, Андрей Загорин, ударник, и узбек-басгитарист Давлат Мамаженов. Кроме нас из «духов»⁷ был еще Веня-танцор по фамилии Чигаев, но вел он себя так, как будто отслужил минимум год, и общался со мной и Витьком довольно-таки свысока. Хотя попал в ансамбль едва ли на месяц раньше нас. Небольшим строем из семи человек мы проследовали в столовую, расположенную в части, буквально в ста метрах от клуба. Обед, как и следовало ожидать, не блистал кулинарными изысками. Все та же баланда и на второе пшенная каша, запасы которой в армии, как я уже понял, просто неисчерпаемы. На третье стакан бледно-желтой жидкости под названием компот из сухофруктов.

После обеда деды и Веня, примазавшийся к ним, пошли в художку на сиесту⁸, а мы с Витьком вновь пошли торчать в мужской раздевалке. Было жарко, и хотя обед был не сказать чтоб сытный, но вынужденное безделье и жара склоняли наши молодые организмы ко сну. И мы, как могли, пытались вдвоем уместиться на узенькой лавочке, расположившись головами друг к другу. Но это было чертовски неудобно. Так что то Витек, то я по очереди пытались разместиться на подоконнике. Он был хоть и пошире лавочки, но зато короче ее. В общем, так мы промучились около двух часов. Короче, время в первый день в ансамбле тянулось долго, как, впрочем, и всегда, когда руки не заняты работой. Но в армии все предусмотрено для того, чтобы солдат не страдал от безделья, потому что когда не работают руки, начинает работать голова. А как известно, в армии солдату думать не положено – за него командиры думают. Ближе к вечеру к нам зашел солдатик, который в клубе был и за киномеханика, и за столяра, и за слесаря, и уборщицу в одном лице. Он озадачил нас с Витьком мыть полы в фойе. Мы сочли, что не имеет смысла вступать в пререкания в первый же день на новом месте. Да и невелика трудность помыть полы... Затем наступило время долгожданного ужина. Ужин был, как и следовало ожидать, легкий. Он состоял из небольшой тарелочки ухи: такой легкий рыбный бульон, в котором кроме пары кусочков картофеля и небольшого кусочка рыбы плавал еще и лавровый лист. Кусочек черного хлеба и стакан чая. Вот и все. После ужина Володя отправил меня чинить ящики для аппаратуры, а Витька озадачил мытьем полов в ансамбле. За работой время летит гораздо быстрее. И потихонечку ярко-желтый диск, светивший в окно класса, в котором я нехотя заколачивал гвоздики в фанерные ящики, приобрел красноватый оттенок. А вскоре стал ярко-красным и почти скрылся за бетонным забором соседней части. Я наконец

⁴ Дед – солдат, отслуживший 1,5 года.

⁵ Черпак – солдат, отслуживший 1 год.

⁶ Дембель – солдат, отслуживший почти 2 года.

⁷ Дух – отслужил менее полугода.

⁸ Сиеста – послеобеденный сон.

разделался с ящиками, а Витек с полами, он тоже не проявлял особого усердия. Создавалось впечатление, что уж если мы миновали участь два года держать в руках лопату, то уж швабра от нас никуда не денется, это сто процентов. Мы закрыли ансамбль и вышли на улицу. Был восхитительный южный вечер. В воздухе вновь из ниоткуда возник аромат ковыля и полыни. Жара спала, и городок стал медленно погружаться в сумерки. Из расположенных по соседству частей раздавались армейские шумы, приглушенные расстоянием команды и грохот сапог по асфальту. Мы же в это время сидели на заднем крыльце клуба и курили «Пегас». Это было просто здорово, хотя бы какое-то время не участвовать, а наблюдать со стороны за всей этой суетой под названием служба. Но кайфовали мы недолго, вскоре за нами пришел Веня.

И мы стали собираться в роту на ночевку. В роту мы пришли как раз к вечерней проверке. Действительно, не имело смысла торчать в роте, если есть возможность находиться в «Спутнике». В роте после вечерней проверки и традиционного просмотра программы «Время» народ стал укладываться отдыхать. Нам тоже выделили несколько кроватей. Мы по-быстрому сходили в туалет и юркнули в свои постельки. В роте порядки были, по-видимому, попроще, чем в карантине, поэтому не было никаких приколов типа «Рота! Сорок пять секунд отбой! Не слышу, как спим, и трех скрипов». Народ потихонечку укладывался спать. Некоторые перед сном решили заняться спортом и взялись за гантели и штангу, небольшой спортивный уголок располагался в углу казармы. Кто-то включил телевизор, и мы, отвыкшие от этого чуда цивилизации, стали смотреть какой-то концерт. Но примерно через час в роту вошел дежурный по части офицер, дневальный громко подал тревожный сигнал: «Дежурный по роте, на выход!», но было уже поздно, офицер заметил, что в роте отбоем и не пахнет, и потребовал прекратить бардак. Затем объявил дежурному по роте наряд вне очереди и ушел. Телевизор был выключен, качки разошлись по своим койкам, постепенно со всех сторон стало раздаваться мерное посапывание и даже негромкий храп. Затем несколько дедов, видимо, решив поприкалываться, со словами «На кого бог пошлет» запустили в пространство казармы пару сапог. Бог послал на какого-то бойца. Он проснулся и с громкими матами послал сапог в сторону, откуда, как ему показалось, он прилетел. По адресату сапог конечно не попал. И следующий везунчик получил сапогом по голове. Вновь крики, маты, и сапог летит дальше по казарме. Не знаю, чем бы кончились эти невинные шалости, но дело шло к большому мордобою. Но дежурный по роте сержант все же решил навести порядок и угомонил приколистов. Время было уже позднее, и даже самых стойких постепенно брал в свои мягкие лапы Морфей. Рядом с моей кроватью – я спал на втором этаже, а снизу Витек – какой-то дедушка поднял молодого. И то ли за какую-то провинность, то ли просто так, по приколу, заставил отжиматься от пола. У меня просто уже не было сил сопротивляться сну, и я провалился в неглубокий и тревожный сон. Не знаю, через сколько я проснулся, по крайней мере мне показалось, что прошло не менее получаса. Я приоткрыл глаза. Боец все еще отжимался от пола. Я даже позабывал такой выносливости. Черт побери, отжиматься от пола полчаса без перерыва – это не каждый сможет! Я вновь отрубился, уж не знаю, сколько я проспал. Вновь приоткрыв глаза, я увидел ту же картину – боец все еще отжимался. «Это уже просто ни в какие рамки не лезет», – устало подумал я. И вновь провалился в сон. Я даже увидел какой-то сон, но почему-то вновь проснулся. Боец все еще отжимался. Я подумал, что если в нашей армии служат такие солдаты, то нашу армию никто не победит! В очередной раз отрубившись, я проснулся от врезавшейся на всю жизнь в самую глубину души команды: «Рота! Подъем!» Мы быстро оделись, застелили постели и отбыли в «Спутник». Было просто здорово, что нам можно было не принимать участия в жизни роты, в которой мы ночевали. Мы не бегали на зарядку, не заступали в наряды, не ходили перед отбоем по плацу и не пели одну и ту же песню «Не плачь, девчонка». Мы просто приходили ночевать в роту и утром уходили к себе в клуб. Уже эта первая ночевка дала мне понять все наши преимущества по сравнению с молодыми бойцами, которые начинают свою службу в частях. После я видел все, что происходит в роте, когда уходят офицеры. Это

было действительно тяжело – выжить в этих условиях. И боец, отжимавшийся ночью в течение нескольких часов подряд, – это был еще не самый худший вариант того, что приходилось выносить молодым. Были и более жестокие приколы, например, балалайка – это когда спящему между пальцами вставлялись свернутые в трубочку бумажки и поджигались. Человек начинал бешено трясти рукой, что вызвало всеобщий восторг, а балалаечник получал порою серьезные ожоги. Был и велосипед – это аналог балалайки, только бумажки вставлялись между пальцев ног. Кроме того, существовала процедура проверки фанеры на прочность: по команде «Фанеру к бою» боец должен был принять довольно специфическую стойку, руки согнуты в локтях и разведены в стороны, одна нога отставлена немного назад – для устойчивости. Необходимо было выдержать несколько довольно сильных ударов в грудь. Это было очень больно и ужасно унижительно. Но выживать все равно надо было. И поэтому бойцы терпели, а после, когда приходил их черед, выплескивали всю боль и злость за пережитые унижения на молодых. И казалось, не будет конца в этом круговороте боли, унижений и сломанных молодых судеб под названием «дедовщина». Конечно, были и относительно спокойные ночи, возможно, когда у дедов просто не было сил и желания прикалываться. Но не буду сильно сгущать краски и забегать вперед. Не все конечно было так уж мрачно. По приходу в «Спутник» Володя разделил между нами территорию, на которой мы обязаны были ежедневно проводить влажную уборку, объяснил, где находятся ведра, тряпки и швабры, и мы приступили к уборке. Мне досталось помещение репетиционного класса, фойе и конечно моя клетушечка, операторская. Витьку достались обе раздевалки и танцкласс. После уборки Володя составил график дежурств по ансамблю и назначил дежурного. Первым выпало Витьку. В обязанности дежурного входило сидеть за столом в фойе ансамбля и по приходу начальства докладывать о том, что, дескать, во время дежурства никаких происшествий не случилось или, не дай бог, конечно, что-нибудь произошло. Все остальное время дежурный мужественно боролся со сном, который атаковал его со страшной силой. Обязанности дежурного по роте были гораздо многообразней.

Ближе к обеду заявился наш капитан проверить, как у нас дела. Витек доложил о том, что за время его дежурства происшествий не произошло. Капитан поинтересовался, как мы осваиваемся на новом месте. Мы с Витьком дружно ответили, что все, мол, в порядке. Затем капитан убежал, и мы вновь стали коротать время в ансамбле. После обеда к нам пришел Володя и сказал, что вечером мы будем проводить дискотеку для местной молодежи. И вообще, кроме дискотек в наши обязанности будет входить проведение свадеб, различных юбилеев и народных гуляний, поэтому нам необходимо написать домой письма и попросить, чтобы нам выслали гражданскую одежду. Такие новшества нам очень понравились. Мы с энтузиазмом таскали колонки, усилители и прочую аппаратуру, название которой я узнал позже, в автобус. Городок был невелик, поэтому минут через семь езды мы оказались на месте – центральной площади перед зданием ГДО (городского Дома культуры). Под руководством Вени и Володи мы затащили аппаратуру на сваренную из металлических уголков и швеллеров сцену, сверху покрытую дощатым настилом. Мы расставили колонки по краям сцены и подключили их к усилителям, на принесенную из ГДО парту мы установили микшерный пульт, и Венья самолично подключил к нему микрофон и самый простой из всех магнитофонов, которые вообще бывают – «Легенда 404». Именно с него и транслировалась музыка, причем качество было довольно сносным. По краям сцены мы установили пару мощных фонарей, а по центру – шестнадцать фонарей синего, красного, желтого и зеленого цвета. И подключили их к ритмосвету (бегущим огням). Постепенно начала подтягиваться местная молодежь. Венья, как заправский диджей, объявлял о том, какую композицию он поставит сейчас, и призывал поднимать повыше ручки и ножки. Ассортимент музыки у него был довольно-таки разнообразный и свежий. После он сказал, что кассеты ему прислали из дома. Мы с Витьком уже начали приглядываться к местным девочкам и обсуждать их достоинства и недостатки. Но подошел Володя и забрал нас в «Спутник». Мол, нечего торчать на дискотеке без дела, да еще и в воен-

ной форме. Сам-то он – и Веня тоже – был в гражданке. Мы пришли в клуб и слушали уже оттуда доносившуюся из центра городка музыку. Ближе часам к десяти за нами вновь пришел Володя, и мы поехали убирать аппаратуру... На следующий день ближе к обеду у меня выдалось около часа свободного времени. И я сел в своей кондейке писать письмо домой. Нужно было попросить у родителей выслать гражданку, чтобы проводить дискотеки. И просто хотелось пообщаться с родными, хотя бы посредством бумажного листа. В армии у меня, да как мне кажется, и у многих, возникает чувство понимания некоторых простых вещей, о которых на гражданке мы почему-то даже не задумываемся. Например, чувство любви к матери, отцу, брату и сестре. Здесь ты понимаешь, что всем на тебя глубоко наплевать, что ты всего лишь винтик огромного механизма под названием вооруженные силы. Особенно ценно то, что где-то далеко есть люди, которые любят тебя просто так, за то, что ты есть. Я просто удивлялся тому, что раньше я умудрялся ругаться с мамой и отцом. Спорил с младшим братом, который меня порой очень сильно доставал, возникали размолвки и с сестрой. Здесь же все это казалось каким-то незначительным и мелким, хотя дома я серьезно переживал и порой даже обижался на них. Раньше я не был большим любителем писать письма, но именно в армии я стал писать их почти что раз в неделю. И с нетерпением ждал ответа. За месяц с небольшим, который я отслужил, я написал домой около четырех писем. Отвечала мне в основном мама. Мне было интересно все, что происходило дома, буквально каждая мелочь, ведь это как-то связывало меня с домом и на душе становилось легче. Я попросил узнать и написать мне армейские адреса друзей и отправил каждому из них по письму. Буквально через пару недель я получил ответы от Олежки и Васька. У них все было нормально, хотя Олег служил в Азербайджане, и там шли боевые действия. Васек попал в Читу и вроде бы более или менее влился в коллектив и адаптировался к службе. Черт побери, как было приятно получить весточки от друзей, и на душе стало спокойней, все у ребят в порядке. От Шурика и Лехи Хакимова писем почему-то не было, то ли у них не было возможности написать ответ, возможно, до них просто не дошли мои письма, а может быть, просто не было желания марать бумагу.

Вскоре я получил первую посылку из дома, мама прислала мне кроссовки, несколько футболок, летние брюки и ветровку. Кроме того, были конфеты, кедровые орехи, печенье, кусочек серы и несколько пачек сигарет. Я по-братски разделил угощение, причем кедровые орехи никто кроме меня и Витька щелкать не умел, народ пытался грызть их как семечки, и никто не мог понять, как мы умудряемся аккуратно раскусывать скорлупу поперек. И вкус серы тоже никто не оценил. Но тут, как говорят, хозяин – барин, зато нам с Витьком больше досталось. Я припрятал гражданку у себя в кондейке и в дальнейшем на мероприятия типа дискотек ходил уже в ней. Это было непередаваемое ощущение – снять форму и, пусть на час, вновь стать гражданским человеком. Мы постепенно втянулись в службу, тем более в ансамбле она не была такой уж суровой и сложной. Примерно через месяц у нас появился еще один боец – Столяров Виталия из Рязани. Его взяли в ансамбль танцором, в отличие от Вени, который на гражданке серьезно занимался танцами и имел соответствующую балетную худощавость, Виталия худобой отнюдь не страдал. Да и росточком особо не вышел, но на гражданке занимался в каком-то танцевальном клубе. И это, видимо, и сыграло в его пользу. Виталия оказался таким хитрым рязанским мужичком. Он быстро наладил со всеми контакты и скоро вместе с Веней ходил в художку на послеобеденную сиесту. Он умел дружить с нужными людьми. Про себя я могу сказать, что сам никогда не отличался таким качеством. Я всегда старался общаться только с теми людьми, с которыми мне было интересно, а не выгодно. Виталия же отличался редкой коммуникабельностью, и вскоре в столовой на раздатке ему в тарелку подкладывали кусочки пожирней. И даже давали с собой хлеб. А в дальнейшем он свел дружбу с кладовщиком, и когда пришла пора менять форму, то он, в отличие от меня и Витька, достал для себя и Вени атласную, а мы с Витьком – обыкновенную, х/б. Кроме того, он умудрился где-то достать для себя и Вени кожаные ремни, что считалось высшим шиком, ну а мы с Витьком

конечно же не могли достать себе эту роскошь. Но, как говорится, не хлебом единым жив человек. Не все блага в жизни измеряются материально. Постепенно мы пообтерлись и стали более или менее коллективом. Ансамблисты отгуляли свои отпуска, и в ансамбле начались репетиции. В ансамбле кроме уже перечисленного рядового состава был довольно большой коллектив из сверхсрочников и вольнонаемных. Моим учителем и наставником стал старшина-сверхсрочник Ерощенко Леонид Иванович. В ансамбле он играл на электрогитаре, совмещая функции соло и ритм-гитариста. Он был высокого роста, носил усы и имел жену и двух дочерей. Вспоминая о нем, могу сказать, что он хороший и добрый мужик. Звал он меня Юрко в соответствии со своими украинскими понятиями. И мы довольно-таки быстро нашли общий язык. Был еще в ансамбле баянист Володя, сержант-сверхсрочник. Конферансье Андрей Харченко. И молодой парнишка-клавишник – тоже Андрей. Что самое удивительное и приятное, был в коллективе ансамбля и женский пол. Это просто здорово, когда в коллективе есть женщины. Они украшают суровую повседневность, и в их присутствии мужчины стараются быть немного лучше, чем, может быть, даже они есть на самом деле. Так вот, начнем с Люды, это наша флейтистка, дама неопределенного возраста, чуть за тридцать, обладательница стройной фигуры, непутевого мужа, двоих детей и огромных голубых глаз, спрятанных за очками. Были у нас три танцовщицы: две Лены, одна из них – жена нашего конферансье, та была постарше, и вторая Лена, помоложе. Обе Лены мнили себя чуть ли не звездами и до общения с нами не снисходили. Мы для них были не члены коллектива, а часть интерьера. Так относятся к сантехнику, который пришел починить кран. Только сантехник приходит не так уж часто, а мы все-таки встречались каждый день. Третья танцовщица, Ира, кроме того что, в отличие от своих коллег, была довольно общительна и не считала зазорным общаться с солдатами, была еще и очень симпатичная. Конечно же, у нее были кавалеры покруче, чем мы, и нам рассчитывать на что-то большее, чем дружеское общение, не приходилось, но все равно было приятно с ней просто поговорить. Была в ансамбле и дама уже солидного возраста, Валентина Николаевна Раховская, в должности завхоза. Кроме того, был у нашего капитана и заместитель, майор Гиконишвили Годерзи Ираклиевич. Человек довольно-таки своеобразный, с менталитетом восточного горца, испорченным тяжелой степенью алкоголизма со всеми вытекающими отсюда последствиями. Хоть роста он был и небольшого, зато страдал манией величия, усугубленной постоянными возлияниями. Видимо, великий его земляк товарищ Сталин оставил у него в душе глубокий и неизгладимый след.

Ансамблисты подтягивались часам к девяти. К тому времени мы обязаны были произвести влажную уборку. Лично я должен был проверить и подключить аппаратуру. Ансамбль начинал разучивать очередной эстрадный шлягер, балет разминался и разучивал различные танцы. В общем, все было при деле. Поначалу я не участвовал в репетициях: либо просто околачивался в фойе, либо, если были сигареты, курил на лестничной клетке. Но вскоре капитан потребовал, чтобы я присутствовал на репетициях, сидел за микшерным пультом и даже в определенных местах, например, когда мой наставник Леонид Иванович врезал на гитаре соло, добавлял немного реверберации (реверберация – это эффект эха, создаваемый с помощью электронного прибора ревербератора). В принципе мне это даже нравилось, ведь, по сути, в конечном итоге я настраивал звучание музыки именно так, как нравилось мне. Я мог выделить или наоборот сделать практически еле различимым звучание любого инструмента, будь то барабаны, гитара или бас-гитара, флейта или баян. Мог добавить реверберации, когда звучало соло гитары или флейты, мог добавить глубины голоса солисту. В общем, я чувствовал, что не просто сижу и бездумно поворачиваю ручки, а занимаюсь творчеством. Конечно, все эти нюансы я узнал не сразу, и не сразу у меня начало получаться создать хорошую согласованность звучания всех инструментов, но мне это было интересно и куда как приятней, чем работать, например, с лопатой – участь, которая постигла большинство моих собратьев. Так что я считал, что мне крупно повезло. Ведь, по сути, кроме прохождения службы я еще и приоб-

ретал довольно редкую специальность, которая, как я думал, может мне в дальнейшем пригодиться на гражданке. Но есть такая поговорка «человек предполагает, а господь располагает». Однажды в наш закрытый военный городок каким-то ветром занесло Андрея Макаревича, и он давал концерт в ГДО на нашей аппаратуре. Было здорово ощущать себя причастным к творчеству одного из «динозавров» нашей эстрады. Зал был забит до отказа. А после концерта, когда зрители разошлись, местная телекомпания брала интервью у Макаревича, а я собирал аппаратуру и впервые видел его вблизи, а не с экрана телевизора. Мне это казалось каким-то нереальным, ведь почему-то люди, которых видишь только с экрана телевизора, воспринимаются как какие-то небожители. А здесь видишь, что они обычные люди, можно было пожать ему руку или взять автограф. Но я не сделал ни того, ни другого. Почему-то это просто не пришло мне в голову. Казалось, что он обычный человек, ничем не лучше, чем, например, я, и какой смысл брать у него автограф...

В госпитале

Не могу сказать, что незаметно – в армии время не летит, а медленно ползет, как улитка, – но подошло к концу мое первое армейское лето. По утрам стоял приятно тонизирующий тело холодок, а ближе к вечеру тоже становилось прохладно. Но днем солнце пока еще не сдавало своих позиций. Репетиции в ансамбле продолжались, наш капитан говорил, что скоро начнутся концерты и нам необходимо хорошо подготовить программу. Как-то я проснулся утром за несколько минут до на всю оставшуюся жизнь впитавшейся в кровь команды «Рота подъем!». И с большим трудом разлепил веки. За ночь они покрылись гнойной корочкой и слиплись так, будто их клеем намазали... В туалете я посмотрел на себя в зеркало и обнаружил, что белки глаз покраснели от выступивших наружу кровеносных сосудов... Глаза с трудом переносили солнечный свет. Я кое-как отмыл засохшие корочки гноя с ресниц и век. А когда подошел к унитазу в надежде облегчить мочевой пузырь, то вместо облегчения испытал резкую, режущую боль... В ансамбле наш капитан поручил Вене вести меня в медпункт, который, кстати, находился в расположении роты, из которой мы только что пришли с ночевки. В медпункте женщина-фельдшер долго расспрашивала меня о симптомах моей неведомо откуда взявшейся хвори. Спрашивала, что я в последнее время ел, что пил, не спал ли с тетками. Я отвечал ей, что ел и пил все, как обычно, то, что дают в солдатской столовой. С тетками не спал. Как-то неудобно было признаваться в том, что в свои 19 лет я все еще девственник и вообще еще ни разу не спал ни с одной теткой... Она осмотрела мои глаза, я уже практически не смутился, когда она попросила меня оголить головку... Но все же она, видимо, не до конца верила в мои ответы, особенно насчет теток, и в ее глазах я видел какое-то недоверие. После она закапала мне в глаза альбуцид и сказала, чтоб я посидел в коридоре, а она тем временем свяжется с госпиталем, и там решат, что со мной делать. Уж не знаю, как она связывалась с госпиталем, видимо, пешком ходила, так как ждать ее пришлось часа два. Я долго сидел на жестком деревянном откидном стуле. Потом лег на узкую больничную кушетку, стоящую здесь же, и прикрыл глаза, причем веки мгновенно слиплись. И когда через несколько минут я попытался их открыть, то смог сделать это только с помощью рук. Прямо как в виденном мною в детстве фильме «Вий». Не помню, о чем я тогда думал, скорее всего, ни о чем, а просто тупо ждал возвращения фельдшера. Видимо, я задремал, так как очнулся от прикосновения руки вернувшейся наконец фельдшерицы. Все-таки я был благодарен ей хотя бы просто за то, что выслушала внимательно и хотела мне помочь, пусть даже и по долгу службы... Она сказала, что на данный момент мест в госпитале нет. Поэтому придется несколько дней пробыть здесь, в медпункте, а потом мне все же необходимо будет полечиться в госпитале. Она провела меня в отделение, которое было рассчитано на 8—10 человек и состояло из пары палат, небольшого холла и еще какого-то помещения, видимо для медперсонала. В отделении она еще раз закапала мне в глаза альбуцид и дала таблетку тетрациклина. После этого провела меня в палату и выдала постельное белье. А так как дело было уже к вечеру, то вскоре она ушла домой. А мне еще предстояло познакомиться с местными обитателями. Их оказалось семь человек, а со мной, стало быть, восемь. Из духов нас было двое. Было четверо черпаков. Было и два деда. Причем один из дедов был якут, а второй русский. Ближе к вечеру все местное общество собралось в холле. И народ начал резвиться. Точнее резвились, конечно, больше всех деды. Здесь я впервые столкнулся с вопросом «Сколько дней до приказа?». А так как в ансамбле нас никто не третирует данными вопросами, то я, конечно, не знал, сколько там этих дней до приказа. Хотя имел смутное представление, что приказ вроде бы осенью... Но, как говорится в уголовном кодексе, незнание закона не освобождает от ответственности... Поэтому я сразу же получил свою порцию в фанеру. А добродушный якут объяснил мне, что приказ 27 сентября и я должен знать, сколько до него дней, лучше, чем таблицу умножения. Тем

самым я сильно облегчу свою жизнь и сохраню целостность своей фанеры... Кстати, 27 сентября родился мой любимый дед, так что эту дату оказалось запомнить не сложно... Затем якут поинтересовался, откуда я, и когда узнал, что я из Иркутска, то проникся ко мне симпатией. По его мнению, мы были почти земляки, хотя Якутск и Иркутск имеют меж собой несколько добрых тысяч километров. Но его это, видимо, нисколько не смущало. А может быть, ему было очень одиноко в этих далеких от его родины степях и хотелось найти родственную душу. Он сказал, чтоб я никого не боялся, теперь он берет меня под свою защиту. А если кто спросит, откуда я, попросил сказать, что я из Якутска, а не из Иркутска. Видимо, очень ему хотелось похвастаться кому-нибудь, что у него здесь земляк появился. Я, конечно, согласился немного покривить душой, тем более действительно какой-никакой, а земляк...

В санчасти я пролежал дней пять, так как в госпитале не было свободных мест. Наша фельдшер ходила туда каждый день, но результата не было... Кроме того, она сказала, что по симптомам у меня синдром Рейтера, но должен быть еще и такой симптом, как распухание и боль в коленных или голеностопных суставах. А у меня этого симптома не было. И, дескать, еще и поэтому меня не кладут в госпиталь. За пять дней я почувствовал себя намного лучше. Видимо, помогли антибиотики, которые я принимал. И когда наконец появилась возможность лечь в госпиталь, я чувствовал себя довольно сносно. Но фельдшер все же решила, что мне необходимо хорошо пролечиться, и сказала, чтоб я собирал свой нехитрый скарб... По дороге в госпиталь она сказала, что лучше будет, если я скажу, что у меня болят колени. Иначе могут и не положить...

Майор медицинской службы внимательно изучил мою карточку. Еще раз расспросил, что и как у меня болит. Я по совету фельдшера сказал, что кроме глаз у меня болят еще и колени... На что он, видимо, утвердившись в своем диагнозе, кивнул и сказал старшей медсестре чтоб она выделила мне палату и выдала белье и пижаму. Пижамы представляла собой синюю куртку и штаны, кроме того, мне выдали шлепанцы из кожзаменителя на резиновой подошве. Соседи по палате оказались в основном такими же духами, как и я. Но в соседних палатах проживали несколько дедов и черпаков. И с ними мне предстояло еще выяснить отношения... Вскоре нас пригласили на обед, который выгодно отличался качеством пищи от харчей в солдатской столовой. Порции были хоть и небольшие, но зато приготовлено было все прямо как по-домашнему. На первое молочный суп, на второе гречка с котлетой, а на третье стакан какао... Кроме того, как позже выяснилось, можно было попросить на добавку каши или супа в зависимости от того, что оставалось. Может, кому-то эти детали покажутся несущественными, но тот, кто служил в армии, я думаю, поймет, почему через столько лет все это так глубоко осталось в моей памяти... Примерно до пяти вечера в госпитале обстановка была примерно такая, как и в любой больнице, в которых я, несмотря на свой возраст, уже успел полежать не один раз. И имел возможность изучить быт и порядки, которые в них царили. Но после пяти весь врачебный состав расходился по домам. И начинался другой распорядок, которым руководили деды... А тут уж, как говорится, кто во что горазд. И хотя здесь их приколы были менее жестоки, чем в ротах, все же сказывалось то, что все-таки люди в основном больные, да и обстановка все же помягче, что ли, но все равно особой добротой и человеколюбием здесь, как и в частях, не пахло.

Ближе к вечеру меня «пригласили» в одну из палат, где, словно пахан в камере, заправлял какой-то казах, который отслужил чуть больше года и считался черпаком. Как обычно, для начала началась психологическая обработка... Мне был задан ставящий в тупик вопрос: «Кто ты такой?» Так как быковать у меня особого желания не было, я без особых внутренних колебаний ответил, что я-де рядовой Дружинин. Но местного авторитета такой ответ не удовлетворил. И он, добавив металла в голос, повторил свой вопрос. Но я, не особо понимая, чего от меня требуется, вновь ответил, что я рядовой Дружинин. Видимо, моя тупость начала бесить моего узкоглазого узурпатора, и он, потихоньку свирепея, объяснил мне, что на данный период

я в первую очередь дух, а не какой-то там рядовой Дружинин! Свои объяснения он подкрепил несколькими ударами в фанеру, не столько сильными, сколько больше подкрепляющими его, так сказать, главенствующее положение. Затем он уже более мирным тоном предложил мне постирать его трусы и носки. Но в армии до этого опускаются только черти, а я не собирался доходить до этого уровня. Поэтому я твердо ответил, что стирать трусы и носки не буду. Он осведомился, а как, мол, я отнесусь к его просьбе, если мне предварительно дадут табуреткой по голове. Я ответил, что в любом случае ответ будет отрицательный. Видимо, что-то убедило его в твердости моих убеждений. Да и не охота лишний раз рисковать – променять удобную палату госпиталя на казарму дисбата. Поэтому после небольшого интервью о том, откуда я, где учился и имел ли интимные отношения с женщинами, я был отпущен восвояси...

В принципе лежать в госпитале мне понравилось. Кормежка по сравнению с армейской столовой просто замечательная, послеобеденный сон-час – это вообще просто сказка, да и дедовщина здесь особо не поощрялась. И хотя периодически нас привлекали к общественно полезному труду, но получить, к примеру, в столовой продукты – это все же не кирпичи таскать... А однажды в местную лабораторию потребовался человек переписывать результаты анализов в особую тетрадь. Хозяйкой лаборатории оказалась симпатичная медсестра Оксана. Она объяснила мне суть моей работы: необходимо было переписывать результаты анализов в тетрадь, а также на отдельные бланки, которые потом подаются лечащему врачу. Я быстро освоил сию нехитрую науку. Оксана объяснила мне, как определить, хороший анализ или плохой. В хорошем анализе РОЭ (реакция осаждения эритроцитов) не более 10, а плохой анализ имел РОЭ более 10. Я примерно за час управлялся с писарской работой, а остальное время наслаждался общением с Оксаной и приходил в отделение уже ближе к обеду. Однако такое положение дел вскоре не понравилось местным дедам – они-де таскают бачки с баландой, а я прохлаждаюсь в лаборатории и любезничаю с симпатичной медсестрой. Поэтому, чтобы восстановить справедливость, однажды меня подкараулили, когда я в очередной раз возвращался из лаборатории, и, не особо вдаваясь в подробности, начали изучать мою фанеру и прочие части тела на прочность. Спасло меня то, что вовремя появилась какая-то женщина из медперсонала. Она мгновенно оценила обстановку, хотя при ее появлении меня конечно уже никто не бил... Она потребовала объяснений происходящего, но я конечно сказал, что мы, мол, просто мирно разговариваем... Стукачество в армии ой как не поощрялось...

Затем народ решил извлекать пользу из моего положения. Мня стали недвусмысленно «просить» подкорректировать тот или иной анализ, т. е. написать РОЕ, например, вместо 8 18. Такое незначительное исправление давало шанс больному получить отсрочку от отправления в часть минимум на неделю... А в части никто особо не рвался. Так худо-бедно отлежал я примерно дней десять. За это время я успел освоиться и даже извлекать какие-то плюсы из своего положения. Как то возможность отсыпаться, а это в армии дорогого стоит, а также более или менее сносно питаться. Однажды, прогуливаясь перед обедом по местному скверу, я встретил Гену Косинцева. Я обрадовался ему как родному. В ответ на мой вопрос, что он здесь делает, Гена ответил, что в ближайшее время собирается домой, так как его комиссовали. И продемонстрировал огромный, едва затянувшийся шов на боку. На мой немой вопрос он ответил мне, что ему удалили почку... Я конечно начал его расспрашивать, что и как. Но он с большой неохотой, как-то замямвшись, мне объяснил, что, мол, разгружали в части ящики. Он упал, отбил себе почку, после этого заметил, что при мочеиспускании моча красная. Его положили в госпиталь, а там доблестные военные врачи недолго думая вырезали ему почку, мотивируя это тем, что она, мол, у него все равно была больная и лечить ее было бесполезно. Хотя на призывной комиссии все врачи писали в медкарте «Годен», т. е. здоров! В глазах у Гены не было особой печали по поводу утраченной почки. Он уже был наполовину в дороге домой! Хотя платить такую цену за возможность не служить – это, по-моему, очень дорого. Позже, примерно через полгода службы, я встретил ребят, которые попали с Геней в одну

часть. Они рассказали мне, что никакие ящики Гена не разгружал... Просто у них в части деды учили молодых жизни. За малейшую провинность либо, так сказать, для поднятия боевого духа среди молодого пополнения, деды выстраивали молодых и прикладами автомата проверяли их почки, печенки и прочие органы на прочность... Почка Гены оказалась непрочной... Что удивительно, Гена даже мне не сказал правды, так как, я уже писал, стукачество в армии ой как не поощрялось.

Я пролежал в госпитале около трех недель. За это время я узнал практически всю полноту и многообразие способов «закосить» (попасть под комиссию) или хотя бы просто отсрочить момент выписки. Было, например, целое отделение энурезников. Возможно, среди них были действительно страдающие данной проблемой. Но 90% были явные косари. Как мне рассказывали, писать в постель они начинали еще в части. Затем их отправляли в госпиталь. Здесь они помещались в специальное отделение, где их, возможно, как-то и лечили, хотя, по-моему, это не лечится медикаментозно, а в основном проверяли достоверность диагноза. В течение месяца они должны были минимум 3—4 раза в неделю сделать свое мокрое дело. Причем по утрам ходила медсестра и лично проверяла наличие пруда в койке, пока пациент еще лежал в постели. Варианты пописать в баночку в туалете и вылить в постель не прокатывали. Так вот, если пациент добросовестно писал в постельку около месяца, его действительно комиссовали. Но были случаи, когда уже комиссованный боец, прошедший испытание сыростью и ждавший отъезда на родину, на радостях перестал писать в постель и был сухой, как лист, целую неделю. Врачи, узнав об этом, сообщили ему, что он выздоровел, и бедолага был отправлен в часть дальше отдавать свой долг Родине. Нелегка же все-таки доля энурезников. Кроме всего прочего, они еще самостоятельно ежедневно должны были просушивать свои усатые полосатые матрасы. И они на глазах у всех других болящих ежедневно развешивали их для просушки на заборе...

Были здесь и сердечники, которые перед очередной кардиограммой глотали по 10—15 таблеток нитроглицерина, уж не знаю, где они умудрялись его достать. Вроде бы после этого показания приборов зашкаливали.

А один мой земляк, с которым мы вместе призывались, умудрился загреметь в местное психоневрологическое отделение. Я уж не знаю, действительно ли у него крыша поехала или он решил закосить таким макаром. Но его участи вообще не позавидуешь. Понаслышке, там такое творится – дрожь пробивает. Впрочем, сейчас много фильмов о том, как из нормальных людей, попавших по каким-либо причинам в подобные заведения, делают натуральных психов. Только здесь не кино, а реальность...

Там же я познакомился с одним пареньком, который жаловался, что в части его сильно бьют и он туда возвращаться не хочет никоим образом. А на следующий день он сказал мне, что достал где-то кристаллики марганцовки и, упаковав их в капсулу, растворяющуюся в желудке, сглотнул ее с прицелом получить себе язву. Я сказал ему, что таким способом он себе язву получит, а сквозную дыру в кишках. Я действительно сильно заперевживал, что человек может вообще умереть. «Беги к врачам! Промывай желудок!» Но, по-моему, он не послушал моего совета. Не знаю, что с ним случилось дальше, но больше я его не видел...

Я пробыл в госпитале в общей сложности около трех недель. И когда состояние мое более или менее стабилизировалось и анализы, к которым я имел доступ, пришли в норму, я стал потихоньку настраиваться на выписку...

И вот в один прекрасный день, прогуливаясь по местному скверу после обеда, неожиданно я увидел маму. Сказать, что я удивился, – это ничего не сказать. Уж не помню, писал я в письмах о том, что заболел, или она сама своим материнским сердцем почувствовала, что мне плохо, а может, просто захотела меня увидеть – не знаю. Но она приехала. Мы обнялись, и после недолгих расспросов о моем состоянии она побежала в «Спутник» договариваться с Иракличем о моей выписке и возможности несколько дней пожить в местной гостинице.

На удивление все вопросы решились положительно! Причем довольно быстро! И уже к вечеру того дня мы в компании с братьями Щербаковыми, Сашкой Купниковым и нашими матерями сидели в одном из номеров местной единственной, но довольно солидной гостиницы «Россия». Мы пили водку и закусывали такими яствами, от которых уже успели отвыкнуть... Хотя ничего сверхординарного в понятии обычного человека. Ну подумаешь, колбаса, ну жареная курица, ну соленые огурчики. Так, ничего особенного. Нам же все это казалось пищей богов. Мы быстро захмелели, и даже моя в принципе не пьющая мама выпила с нами полрюмки водки... После недолгого застолья мы разошлись по своим номерам. Матери устали с дороги, а мы уже отвыкли от спиртного, и лично я просто валился с ног. В гостинице мы жили три дня – это был просто отдых души какой-то. Мы вставали не раньше девяти-десяти. Завтракали, обычно завтрак состоял из бутербродов и чая, заваренного в банке. Затем мы шли гулять по городку. Либо на Балхаш, от гостиницы до озера, оказалось, 7 минут ходьбы. Я расспрашивал о том, как дела дома. А мама расспрашивала меня о моей службе. Обедали мы в столовой гостиницы. А ужин вновь состоял из холодных закусок. Три дня пролетели как один. И к вечеру последнего из них я проводил маму на местную автобусную остановку, и после недолгих проводов она помахала мне рукой из окошка уезжающего автобуса. А я отправился к себе в «Спутник».

И вновь АПиПСА

Я еще несколько дней находился под впечатлением от приезда матери. Вроде бы как в отпуск съездил... До чего же было здорово почувствовать себя гражданским человеком. Элементарно подольше поспать, поесть более или менее человеческой пищи. А тем более пообщаться с самым дорогим человеком – собственной матерью. Но время, как известно, лечит любые раны, и любые впечатления, не только плохие, но и хорошие, по прошествии времени тускнеют и теряют свою остроту. Так и в этом случае, уже через несколько дней все это – и приезд матери, и несколько дней свободы – стало казаться нереальным, каким-то фантастическим сном.

В ансамбле же без моего отсутствия жизнь, как и следовало ожидать, не прекратилась, а даже наоборот, бурно развивалась. Вовсю шли репетиции, и велась подготовка к будущим концертам. И мне пришлось быстро вливаться во всю эту немного суматошную деятельность. Буквально через несколько дней нас организованно сводили в местное ателье, где с нас сняли мерки. Оказывается, ансамблистам положено иметь офицерскую парадную форму. От солдатской она в первую очередь отличалась качеством материала и конечно же покроем. Кроме того, не могло идти и речи о том, чтобы солдатам шили форму на заказ. Форму обещали сшить недели через две. И следовало ожидать, что по окончании этого срока и начнутся наши гастроли. Я потихоньку присматривался к взаимоотношениям в коллективе. Они оказались довольно интересными. Каждый человек в ансамбле имел свою особенность, и я от нечего делать пытался характеризовать всех наших ансамблистов. Неизгладимое впечатление на меня произвел в первую очередь наш солист Славик... Уже с первой нашей встречи мне он казался довольно странноватым типом. Ранее за всю свою не столь уж долгую жизнь я подобных людей не встречал. Нет, я конечно слышал, что бывают люди с нетрадиционной сексуальной ориентацией... Но видимо, до Иркутска цивилизация доходит с некоторой задержкой... В общем, в реальности мне с такими людьми ни разу общаться не приходилось. Когда-то он служил в этом ансамбле в качестве солдата. А по окончании срока службы остался здесь работать в качестве солиста. Причем вокальные данные у него действительно были неплохие. Не Киркоров конечно, но все же для Приозерска это было довольно круто. Уж не знаю всю его предысторию, но на данный момент его личная жизнь укладывалась в такую схему. Он среди вновь прибывших солдат умудрялся находить себе партнера, и два года у них была, так сказать, любовь. Потом его любовь демобилизовалась и уезжала домой. А Славик вновь пускался в поиск новой любви. На данный момент у Славика были отношения с Пашей, танцором. Но особо они не афишировались. И я все еще сомневался в ориентации Славика. Хотя была пара случаев, когда Славик заходил ко мне в кандейку якобы за каким-то делом. Видимо, на разведку, так сказать... Один раз он зашел в перерыве между репетицией. Я в это время сидел на полке, которую я обычно использую как лежанку, и читал книжку, взятую в местной библиотеке. Славик подошел ко мне вплотную, положил мне руки на колени и, глядя в глаза томным взглядом, эротично понизив голос, спросил: «Юр, ты мне лампочку дашь?» Я, честно говоря, не был готов к таким нежностям и поэтому сразу соскочил и полез за лампочкой для Славика. Второй раз он тоже зашел якобы за какой-то мелочью, а сам в это время норовил установить, так сказать, более тесный контакт... Но видимо, в моем лице он не увидел ответной реакции и поэтому вскоре оставил свои попытки. И переключился на остальных молодых. По всей видимости, он заранее подыскивал замену Паше, служить которому осталось всего полгода. Кроме того, я пару раз видел, как Славик с Пашей ругались, видимо, их отношения дали трещину... А перспектива остаться одному его пугала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.